

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС

Четвертый эшелон

Эдуард Хруцкий
Комендантский час

«ЭКСМО»

1987, 1994

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хруцкий Э. А.

Комендантский час / Э. А. Хруцкий — «Эксмо», 1987,
1994 — (Четвертый эшелон)

ISBN 978-5-04-116896-4

Июль 1941 года. В своей квартире обнаружен застреленным художник-ретушер Зиновий Грасс. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Иван Данилов подозревает, что это не самоубийство, а грубая инсценировка. Сыщики начинают расследование, и вскоре выясняется, что смерть Грасса – дело рук бандита Широкова, участника опасной банды, которой руководит фашистский абвер. А это значит, что схватка с врагом предстоит серьезная... В сборник вошли известные повести о сыщике Иване Данилове: «МЧК сообщает...» и «Комендантский час».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116896-4

© Хруцкий Э. А., 1987, 1994
© Эксмо, 1987, 1994

Содержание

МЧК сообщает...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эдуард Хруцкий

Комендантский час

© Хруцкий Э.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

МЧК сообщает...

Екатеринодар. 10 сентября 1918 года

За окном играла музыка. Торжествующе, звонко вели трубы марш «Под двуглавым орлом». Пел над осенними улицами Екатеринодара алыт. Это был голос победы, славы, надменности.

И кабинет, вернее номер гостиницы «Кубань», был залит солнцем. По-южному ярким и еще теплым.

– А дома-то, наверное, дожди, грязь, мокрые лошади, пар из дверей чайных на улицу вылетает... – Полковник Прилуков, начальник контрразведки Добровольческой армии, отошел от окна. – Так как же, Сергей Николаевич, домой тянет? Вы ведь тоже москвич?

Подполковник Незнанский – элегантный, с точным пробором, с усиками, подстриженными по-английски, молчал, постукивая по столешнице в такт маршу.

– Так как же, Сергей Николаевич? – повторил Прилуков.

– Конечно, домой хочется. – Незнанский встал, придерживая шашку, подошел к окну.

Прилуков оглядел его. Высокого, молодого, подтянутого, со значком Академии генерального штаба на левом кармане кителя, под отливающим эмалью офицерским «Георгием» и рубиново-золотым «Владимиром» с мечами под воротником кителя.

– Вы нашли человека, Сергей Николаевич?

– Да. Есть офицер. Достаточно отважный. Я бы даже сказал – дерзкий, но у него несколько смещены понятия о чести и нравственности.

– А где он служит?

– У капитана Симбирцева.

– Он согласен?

– Да, Андрей Георгиевич.

– Я вижу, Сергей Николаевич, вам не по душе эта операция?

– Если хотите, господин полковник, то да.

– Понимаю. Вы специалист по разведке, работали в тылу у австрийцев, но сейчас другая война. Учебники о ней будут изучать наши внуки в новой русской Академии генштаба. А пока... Где этот... бандит, который повезет его в Москву?.. Как его?..

– Лапшин? В тюрьме. Где же еще?

– Вам, Сергей Николаевич, придется поговорить с ним.

– Слушаюсь. – Незнанский поморщился. Но что делать, служба есть служба. – Я могу идти?

– Идите.

Незнанский четко повернулся и вышел, позванивая шпорами. Прилуков, прищурившись, глядел ему вслед. Ах уж эти чистоплюи, разведка, шпионство! Нет, дорогой подполковник, Академию вы окончили, а понять ничего не можете. Прилуков был опытным контрразведчиком. Почти всю войну проработал в комиссии генерала Батюшева. Чего он только не насмотрелся за три года! Он видел фрейлин двора, поставлявших сведения немцам, министров, берущих взятки у банкира Рубинштейна. Видел нового российского мессию, безграмотного мужика, вершившего судьбы фронтов и людей. Именно тогда он понял истину иезуитов: «Цель оправдывает средства». А для борьбы с большевиками хороши все средства. Прилуков, как человек умный, со склонностью к анализу, не верил в надежность временных побед.

Уж больно климат тыла Добрармии напоминал ему времена Гришки Распутина.

Конечно, полковник прекрасно понимал, что активизация уголовного подполья – шаг, продиктованный отчаянием. Но это хоть на время позволит собраться с силами политическому

подполью, которое, впрочем, как и царский двор, и штаб Добрармии, раздирали интриги и склоки.

Полковник подошел к окну. По улице, четко печата шаг, шла рота юнкеров. Поблескивали над погонами острые жала штыков.

Гремела музыка. И вдруг, осторожно, в нем начало зарождаться ощущение чуда. Ведь бывает же цепь случайностей, которую предвидеть невозможно. А вдруг она и сложится, цепь эта. И победа. Господи, как хорошо было думать об этом, слушая музыку маршей.

Ах ты, камера, камера, дом родной! Лапшин потрогал заплывший синяком глаз. Как же влип-то глупо. И наводка была точная, и в квартиру вошли, и дело сделали.

Грека и жену по горлышку, золотишко и деньги в сумку. Да не учли, что в другой половине дома офицер на постой стал. Всего за два часа до дела. А у него двое товарищей были в гостях.

Только Лапшин с напарником за порог, а они тут как тут. Чего-чего, а воевать научились господа офицеры, Степку кокнули, а его скрутили, и сюда.

А контрразведка – не сыскное. Два офицера, прапоры сопливые, за час из него все выбили и в камеру бросили. Мол, сиди, завтра шлепнем.

А жить-то как хочется. Дважды с каторги бегал. Налеты совершал в Москве да Петрограде. Кассу взял на Нижегородской ярмарке.

Дурак... Лох слюнявый... В Москву надо было рвать. К своим ребятам. А теперь все.

И жалко стало Лапшину себя. Господи, за что? Годков-то ему всего тридцать пять.

Как все люди его профессии, Лапшин, когда надо, в бога верил. Считал, что невидимая сила, призванная защищать его, уберезет от смерти. И в такие минуты верил он искренне, и становилось ему благостно и грустно. Лапшин забывал о тех, кого убивал сам.

Тюремный коридор освещали большие керосиновые лампы, висевшие под потолком через каждые десять шагов. Свет их, зыбкий и призрачный, причудливо ломал на стене человеческие тени.

Подполковник Незнанский шел мимо вытягивающихся в струнку унтер-офицеров – надзирателей. Стена коридора, щербатая от пуль, со смытой краской лозунгов, точно выражала политические катаклизмы времени.

– Где? – спросил Незнанский молоденького прапорщика в форме корниловского полка.

– В седьмой, господин подполковник.

У дверей камеры с написанной прямо на дверях зеленой краской семеркой подполковник остановился.

Надзиратель отодвинул задвижку, открыл дверь.

– Вы останетесь здесь, – скомандовал Незнанский и шагнул в камеру.

С дощатых нар поднялся плотный человек среднего роста, с разбитым лицом, одетый в некогда шеголеватую визитку с оторванным лацканом и в порванные на коленях полосатые брюки. Рубашки под визиткой не было.

Незнанский достал часы и щелкнул крышкой:

– Вас, Лапшин, расстреляют через час.

Человек молчал, изучающе глядя на подполковника. Он оставался так же невозмутимо спокоен.

– Но есть шанс, – продолжал подполковник.

– Ну?

– Говорите вежливее, вы не в сыскной полиции, а в контрразведке.

Лапшин усмехнулся разбитыми губами:

– Я это сразу почувствовал, как первый раз мне в рожу заехали. В сыскной остерегались бы. Там я человеком известным был.

– Слушайте меня, Лапшин. Вы убили греческого коммерсанта Костаки, убили зверски...

– Так я и не упираюсь, ваше высокоблагородие, взяли на деле, куда попрешь. Вы мне про шанс шепните. Ежели это нужно, – Лапшин потер большой палец указательным, – так выпустите. Через день принесу. Мое слово печать.

– Не нужно этого. Вы сегодня же подпишете документ и станете агентом контрразведки Добрармии. Это первое. Второе. Мы направим вас в Москву.

– Так я же политикой не занимаюсь.

– Вы будете работать по специальности. Вы на сыском жаргоне мокрушник?

– Случалось, брал грех на душу.

– Вот и занимайтесь этим в Москве. А мы попросим архимандрита, чтобы он вам грехи отпустил, прошлые и будущие.

– Так зачем тогда меня крестить? Я и без ксивенки этой своим делом займусь.

– Вы поедете не один. Повезете нашего человека.

– А это зачем?

– Нужно, Лапшин. Сведете его с вашими друзьями, представите, как налетчика из Ростова.

– А он крови не заботится? Людишек резать тяжелее, чем воевать, к этому привычка нужна.

– Это наша забота, Лапшин.

– Значит, я теперь вроде идейный борец. Вроде как эсер.

Незнанский молча посмотрел на Лапшина и усмехнулся.

– Деньги дадите? Путь неблизкий. – Лапшин потянулся.

– Дадим. И помните, если что... У нас везде люди.

– А вот пугать ни к чему. Наняли, так я работать буду. Дело-то знакомое.

Москва. Октябрь 1918 года

Данилов открыл глаза и увидел огромное пятно на потолке. Оно было похоже на контур Африки, только значительно больше, чем на самой крупной карте.

– Ну, слава богу. Очнулся, – раздался веселый голос. Иван попробовал повернуться, но горячая боль мгновенно пронзила тело, и он застонал.

– Ты лежи, лежи. – Сосед по палате, держась за стену, подошел к его кровати и сел: – Не узнаешь?

Лицо было знакомое. Но оно осталось там, в другой жизни, границей которой была боль, нестерпимая и жгучая.

– Отдыхай, браток.

Иван закрыл глаза, вспоминая. Обрывки прошлого возвращались фрагментарно и беспорядочно, как перепутанные детские кубики с азбукой.

И он мысленно пытался выстроить их в единую систему, собрать слово, ведомое ему одному. А кубики рассыпались, не складывались буквы. И словно далекий свет лампы, появился в воспоминаниях Брянск и летний театр. Даже запах каких-то цветов появился. И лицо Олечки Богулевич. И снова он ее услышал: «Настоящий человек должен стать сельским учителем».

А кубики падали и падали и постепенно сложились в единственное нужное слово.

Из окна второго этажа бил пулемет. Пули, рикошетируя по мостовой, выбивали длинные беловатые искры. Теперь он вспомнил лицо человека, склонившегося над ним.

Он лежал рядом с ним за поваленной трубой. Потом они бежали мимо каких-то деревьев... Потом узкий проулок... Кирпичная стенка, осыпающаяся под ногами... Сарай... И бесконечный треск выстрелов... Потом он только видел тупое пулеметное рыло, кашляющее огнем... Оно было совсем близко... Надо было сделать всего десять шагов и бросить гранату. Пулемет замолчал на секунду, видимо меняли ленту, и тогда он выскочил из-за сарая...

– Куда? – кричал кто-то. – Убьют!

Он пересек двор и бросил тяжелую бомбу в окно... Потом что-то ударило его, и закружились деревья, дом, сарай и чье-то лицо.

И Данилов словно нырнул в темную горячую реку...

А теперь он вспомнил это лицо и засмеялся.

– Вы матрос? – спросил он.

– Натурально матрос, – засмеялся сосед, – Козлов Степан Федорович, комиссар ВЧК. А ты, браток, молодец, есть в тебе живой дух. Как не забоялся-то?

– Не знаю, – честно ответил Иван.

И потекли длинные, как несбывшиеся сны, дни. Через неделю Иван уже вставал, и они играли с Козловым в самодельные шашки: вместо белых – гильзы от нагана, вместо черных – винтовочные.

Они уже все знали друг о друге. А что, собственно, мог рассказать о себе восемнадцатилетний Иван Данилов?

Родился в Москве, учился в гимназии, потом отца перевели на службу в Брянск, там закончил реальное училище. Потом Союз молодежи, военная подготовка, Красная армия. Их рота прибыла в Москву, и ее сразу из вагонов бросили на помощь чекистам.

– Ну а дальше что? – спросил Козлов.

– Заходил комиссар госпиталя, хочет на курсы краскомов отправить.

– Ты согласился?

– Конечно.

– погоди, Ваня, я тут кое с кем поговорю, может, другое дело тебе найдется.

– Какое?

– погоди, – загадочно ответил Козлов.

Однажды в палате появился высокий черноволосый человек.

– Здорово, увечные, – белозубо засмеялся он.

– Федор, Мартынов! – Козлов соскочил с койки, и они обнялись.

– А ты как, друг, – спросил Мартынов Ивана, – ожил малость? Очень мы перепугались, когда ты с гранатой выскочил.

– Да так... – смутился Иван.

– Ты не смущайся, только помни всегда: жизнь у нас одна. Другую на базаре не купишь. Так что береечь ее надо.

Мартынов положил на тумбочку сверток:

– Это вам ребята собрали сахар, хлеба, колбасы даже, так что поправляйтесь. Пойдем, Степа, поговорим о разных разностях и покурим заодно.

Они вышли, а Данилов взял растрепанный томик Гюго, который ему принесла медсестра, и заново, вместе с Жаном Вальжаном, пошел по улице старого Парижа.

Когда-то, мальчишкой, он, начитавшись Дюма, мечтал попасть в этот таинственный Париж. Город красивых и веселых женщин и беспечных и смелых мужчин. Позже, когда вслед за Дюма пришел суровый Гюго, Париж открылся перед ним другим. Мрачным, суровым, таким же, как Петербург Достоевского.

И сейчас, заново перечитывая «Отверженных», Иван открывал все новое в давно знакомой книге.

Он просто вырос, поэтому читал книгу совершенно иначе.

Из коридора вернулись Козлов и Мартынов. Взяли стулья, сели у кровати Данилова.

– Слушай, Иван, – наклонился к нему Мартынов, – я говорил с комиссаром госпиталя, ты, значит, на курсы краскомов собрался?

Иван кивнул, поправил рубашку.

Мартынов смотрел на него улыбаясь. Уж слишком по-мальчишески тонкая шея была у будущего краскома. Он помолчал и сказал:

– Мы тут с товарищами умом пораскинули и решили, что ты для нашего дела очень нужный человек. Во-первых, молодой, во-вторых, образованный, а в-третьих, смелый.

– Для какого дела? – с недоумением спросил Иван.

– Партийная ячейка твоей роты да и товарищ Козлов рекомендовали тебя для работы в ВЧК.

Иван растерянно молчал.

– Ну, чего молчишь?

– Так я не умею...

– А ты думаешь, я очень умею или Козлов? Учиться будем. Главное у тебя есть, ты задачи партии нашей понимаешь.

– Так я же беспартийный.

– Ты член Союза рабочей молодежи. Поработаешь у нас, станешь большевиком. Завтра принесу тебе опросный лист. Заполнишь, прошение напишешь и из госпиталя прямо к нам.

Москва. 3 ноября 1918 года

Василий Николаевич Манцев вернулся с совещания.

Вопрос обсуждали важный – положение в столице республики.

Что и говорить, радостного было мало, несмотря на ликвидацию левоэсеровского мятежа и разгром анархистов. Политический враг полностью сменил фракционную борьбу на вооруженную. Одна за другой, как пузыри газа на болоте, возникали самые различные контрреволюционные организации.

С Кубани, Дона, Севера и Сибири шла в Москву резидентура многочисленных контрразведывательных организаций. В сентябре был ликвидирован заговор Локкарта.

И конечно, покушение на жизнь Ленина...

Революция, Гражданская война, разруха и голод породили неведомые до сей поры масштабы спекуляции и бандитизма. В 1917 году, придя к власти, правительство Керенского объявило всеобщую амнистию. Тысячи уголовников, опасных, умелых, дерзких, осели в Москве. Группкой налетчиков была похищена большая часть картотеки бывшей сысской полиции, поэтому люди, призванные охранять революционный порядок, начинали все с нуля. Ежедневно дежурные ВЧК и уголовно-розыскной милиции получали сообщения о грабежах, налетах, проведенных с пугающей дерзостью и жестокостью. Бандитизм и все присущее ему: «малины», подпольные игорные дома, тайные кабаки – создавали питательную среду, в которой рождались новые преступления. Все это отвлекало силы от борьбы с контрреволюционным подпольем.

Об этом и говорили на совещании. Назрел вопрос о создании в столице республики своей чрезвычайной комиссии.

Манцев стоял у окна. По Малой Лубянке ветер тащил опавшую листву и обрывки декретов. Спешили прохожие. И Василий Николаевич поймал себя на мысли, что толпа на улицах стала одноликой, почти одноцветной, как солдатский строй.

В дверь постучались.

– Войдите.

Вошел работник секретариата, протянул Манцеву бумагу:

– Феликс Эдмундович просил передать вам.

Это была шифровка из Ростова. Бахтин сообщал, что вывезенный на юг архив сысской полиции найден, изъят и переправлен в Москву. Шифровка была такой, какую и должен был послать Бахтин. Короткая и точная.

Александр Петрович Бахтин был лучшим криминалистом Европы, как писали о нем газеты до революции.

Много лет назад в Париже на квартиру социал-демократов пришел высокий элегантный господин, представился чиновником сыскной полиции и сказал, что охранка готовит провокационное политическое убийство.

Ему не хотели верить, но большевики все же послушались совета полицейского чиновника. Провокация охранки была сорвана.

Нет, Бахтин не был социал-демократом, он вообще был вне политики, он боролся с преступностью. Но все же, как честный человек, предотвратил кровавую провокацию.

Потом у него были неприятности. Слишком уж плотно помощник начальника сыскной полиции Петербурга надворный советник Бахтин взялся за окружение Распутина. Его быстро перевели в Москву.

После революции он был арестован. Но разбирал его дело Гринин, тот самый большевик, которого спас Бахтин.

Так началась работа Бахтина в уголовно-розыскной милиции, а потом ВЧК дала ему задание найти архивы.

И он нашел.

Манцев вспомнил свой последний разговор с Бахтиным. Его немного ироничную, даже желчную манеру излагать мысли. Откровенно говоря, он тогда не очень верил в успех операции.

Читая шифровку, Василий Николаевич радовался своей собственной ошибке и поражался умению Дзержинского разбираться в людях.

Зазвонил телефон.

– Манцев.

Голос Дзержинского в трубке был спокоен и доброжелателен:

– Вы прочитали шифровку?

– Да, Феликс Эдмундович.

– Когда Бахтин вернется, я думаю, что его необходимо использовать как спеца, консультанта в группе, занимающейся борьбой с бандитизмом.

– Он будет служить в ЧК?

– Я этого не говорил, Василий Николаевич, его надо прикомандировать от уголовно-розыскной милиции. Ведь он раскрывал очень сложные дела. Одно ограбление Ростовского банка чего стоит. И помните, Василий Николаевич, Бахтин умный, честный и смелый человек. Пока он нам нужен.

Москва. Начало ноября 1918 года

Вчера Алексей Климов продал золотые часы отца.

Ювелир на Малой Дмитровке пощелкал крышками, внимательно, через лупу осмотрел механизм, потом так же внимательно поглядел на него. Он сразу оценил его сизую офицерскую шинель, фуражку с кружком от кокарды и предложил смехотворно маленькую сумму.

Алексей молча взял с прилавка часы.

– Э, молодой человек, – засмеялся ювелир, – так дела не делаются. Вам не подходит цена? Торгуйтесь.

– Не приучен, – зло ответил Климов.

Ювелир взял часы, вздохнул и назвал цену, в два раза превышающую первоначальную.

– Вы фронтовик? – спросил он, пересчитывая деньги.

– Точно так.

– У меня под Ригой погиб сын, прапорщик Бутузов. Не слышали?

– Я воевал в Галиции.

– Счастливы ваши родители. Вы живы.

Климов взял деньги. Приложил руку к козырьку, отдавая дань убитому прапорщику Бутузову.

Домой, на Сивцев Вражек, Алексей шел по мокрому от дождя Тверскому бульвару. Сапоги скользили по размытой глине дорожек, деревья сбрасывали остатки листьев, и они тихо кружились в сыром воздухе, как немецкие аэропланы «таубе».

Климов поймал один лист, растер его на ладони, понюхал. Он пах осенью: сыростью и тленом.

Алексей на фронте возненавидел это время года. Сырые, пахнувшие псиной шинели, вода, хлюпающая в сапогах, осклизлые окопы, грязь, как трясина, затягивающая ноги. Он воевал с первого дня. В 1914-м – ускоренный выпуск, неделя отпуска – и полк под Вильно. Сначала он командовал полуротой, потом стал ротным. Получал производства и награды. Берег солдат. За чужие спины не прятался.

Потом ранение. Госпиталь. Отпуск и назначение на службу в родное Александровское военное училище, на Знаменку.

Конец отпуска точно совпал с окончанием октябрьских боев в Москве. Ровно в десять Алексей в полной форме переступил порог училища, прошел мимо с недоумением глядящих на него матросов и открыл двери в кабинет начальника.

За столом сидел человек в черном штатском пальто, перетянутом солдатским ремнем. Рядом матрос, обмотанный пулеметными лентами и обвешанный бомбами.

Человек в штатском выслушал доклад Климова и спросил:

– Против народа воевал, штабс-капитан?

– Никак нет.

– Это хорошо, что к месту службы без опоздания прибыл. Только вот служить тебе, ваше благородие, негде. Садись пиши.

– Что? – удивился Алексей.

– Обязательство, что не поднимешь оружие против народа.

– А потом?

– Иди домой, ищи место в новой жизни.

Алексей написал обязательство, сдал наган и ушел искать место в новой жизни.

Нелегко ему, с кадетского корпуса привыкшему к строгому расписанию дня, найти это место. Армия по-своему формирует человеческие характеры, и, если тебя на половине пути внезапно выбрасывает из привычного ритма, это может окончиться нравственным крушением. Об этом Климов думал, идя по бульвару домой.

Сегодня утром пришел дворник Пахомыч и, переминаясь в прихожей с ноги на ногу, сообщил, что есть строжайший приказ сдать оружие, а у Алексея Федоровича на стене сабельки висят.

Нет, не просто сабельки висели в комнате Алексея. Одна шашка с анненским красным темляком и надписью на эфесе «За храбрость». Вторая – золотое георгиевское оружие.

Климов снял их, завернул в одеяло и, стараясь не глядеть на плачущую сестру, оделся и пошел в военкомат. Он шел по улице, неся неудобный сверток, и ему казалось, что прохожие смотрят на него одного. Климов не холодное оружие нес в одеяле, а свою солдатскую доблесть. И поэтому кипело его лицо горячечным румянцем и ходили по щекам желваки.

Он вошел в комнату военкома, накуренную до синей горечи, и сразу же понял, что военком из солдат, вернее из строевых унтер-офицеров. Уж больно ладно сидела на нем потрепанная шинель, и смушковая папаха со звездой с особым кадровым шиком была сдвинута на брови.

– Моя фамилия Климов, – сказал Алексей и положил на стол сверток.

Военком развернул, с интересом поглядел на шашки.

– Чин? – Он ткнул сигарку в пепельницу с позеленевшей бронзовой наядой.

– Штабс-капитан.

Из соседней комнаты вошел человек в штатском, в пенсне. Он подошел к столу, уважительно взял в руку шашку с георгиевским темляком.

– Золотое оружие?

– Так точно, – глухо ответил Климов.

– Садитесь. – Человек в штатском взял тонкую папочку, полистал.

– Значит, бывший штабс-капитан Климов, двадцать шесть лет от роду, окончил первый Московский кадетский корпус, Александровское военное училище. Всю войну на фронте. На стороне контрреволюции не воевали. Все правильно?

– Так точно.

– А теперь скажите, гражданин Климов, кстати, моя фамилия Зубов, я из Революционного комитета, почему вы, военный человек, сидите дома, когда мы создаем Рабоче-Крестьянскую Красную армию? Не хотите драться против однокашников по корпусу и училищу? Ну что ж. Дорога к пониманию непростая. Но тем не менее вы нам нужны.

– Кому? – спросил Алексей.

– Нам. Если хотите, русскому народу. Смагин!

В комнату вошел человек в солдатской шинели.

– Ты искал спеца на стрелковые курсы. Вот он, – Зубов указал на Климова. – Будете учить рабочих стрелять. Согласны?

– Так точно, – ответил Алексей, не понимая, радоваться ему или печалиться.

– А раз так, пишите прошение. На службе вы с сегодняшнего дня, а курсы начнут работать с двадцатого декабря. Товарищ Смагин – комиссар курсов, он вам все объяснит.

Зубов встал и уже у дверей, повернувшись, сказал:

– А шашки свои заберите, их вам за храбрость дали.

Москва. Ноябрь 1918 года

– Не ждали-то вас живым увидеть. Не ждали, – причитал дворник. От его старого тулупа пахло прогорклым лампадным маслом и кислятиной. – Батюшка ваш, помирая, все сокрушался. Плакал. Проститься хотел.

Табличка на дверях позеленела. Да и бог с ней, с табличкой, и папенькиным бывшим чином.

Туго повернулся ключ, растворилась дверь. Ударил в нос затхлый, пыльный запах.

– Все как есть сберег, – тихо и преданно сказал дворник, – все как есть.

Копытин достал из кармана пачку денег, отделил половину, протянул дворнику:

– Спасибо, Захар, дровишек раздобудь.

Дворник, стуча валенками, вбитыми в калоши, спустился вниз, и Копытин с Лапшиным вошли в квартиру. Такой же она была, маленькой и неудобной. Те же литографии на стене, та же пыльная скатерть на столе.

– Бедновато жили, а еще офицер, – усмехнулся Лапшин.

– На жалованье жили, – ответил Копытин, – на жалованье.

– Но ничего, Виктор, ты теперь при фартовом деле, доходном. Заживешь.

– Время покажет.

Пришел дворник с дровами, растопил печку. Потом пришла дворничиха, убралась в квартире.

Лапшин исчез куда-то. А Копытин достал из чемодана бутылку спирта, нашел стакан и выпил.

Вот он и дома. Нет, не было у него на душе сентиментального восторга и грусти. Не любил он свой дом. И запах его не любил, пахло всегда в квартире клейстером и горелым сургучом, потому что отец его служил по почтовому ведомству.

Скудность с детства преследовала его. И из кадетского корпуса, а потом из Александровского училища неохотно шел сюда юнкер Копытин.

Мучительно и тяжело завидовал он многим своим однокашникам, жившим обеспеченно и легко. Унизительное доставание денег привело его к карточному столу, и нашелся человек, научивший его играть нечестно. За это общество офицеров выгнало его из полка, но спасла война.

Но слух о том, что он шулер, тянулся за ним, его обходили чинами и наградами. Даже на Юге, у Корнилова, он чуть не убил товарища по офицерской роте капитана Звонарева, отказавшегося подать ему руку. Бедность. Не было страшнее слова для Копытина. Он вспомнил, как разговаривал с ним подполковник Незнанский, эта разряженная сволочь, и губы его свела ненависть. После контузии у него начала дергаться щека. И это, видимо, тоже вызывало в подполковнике чувство брезгливости.

Он очень рад, что после выполнения задания получит чин капитана, перескочив через штабс-капитана. Он все выполнит. Он понимает, что активизация уголовников отвлечет силы ЧК от офицерских организаций. Он будет убивать всех, кто пошел на службу к большевикам. Пусть интеллигенты боятся. Деньги от налетов пойдут на священное дело борьбы.

Да. Да. Да.

Но, выходя из кабинета Незнанского, он уже знал, куда пойдут деньги. Нет, господин подполковник, не на создание офицерских дружин. Три-четыре хороших налета, а он знает людей в Москве, у которых есть что взять, и – в Питер, потом в Финляндию, в Париж. Хватит, понищенствовал. Но сначала надо взять. Между ним и Парижем, между сегодняшним днем и жизнью, которую он себе нарисовал мысленно, лежала осенняя Москва. Стояли чекисты и милиционеры. Да мало ли кто мог ему помешать. И поэтому все существо Копытина наливалось тяжелой злобой.

С Собаном он увиделся через четыре дня в номере гостиницы «Лиссабон» в Замоскворечье.

А через день они на Трубной площади брали артельщика, брали дилетантски, по-глупому. Деньги-то взяли, но ушли, «оставляя на деревьях ключья шерсти».

Копытин прикрывал отход. Две гранаты пустил в дело. Потом, на какой-то даче в Серебряном Бору, Собан сказал:

– Если бы не ты – нам конец.

Вот тогда Копытин сам рассчитал и подготовил налет на контору Волжско-Камского банка. Взяли много и ушли без потерь. Теперь его авторитет стал непреклонным. Особенно когда он шлепнул наводчика, из-за которого они на Поварской чуть не попали в ловушку.

Даже Собан понял, что у Копытина есть своя четкая система. Виктор реорганизовал банду, разбив ее на группы. Одни занимались разведкой объекта, другие наружным наблюдением, наиболее умелые вошли в группу захвата, наиболее стойкие стали прикрытием. Теперь банда больше походила на воинское формирование. Дисциплина была железная.

Да и направлялась она твердой рукой. И в Москве вскоре почувствовали эту руку.

На улицах, в ресторанах, в кафе Копытин слышал самые невероятные разговоры о банде, и ему почему-то было приятно.

Но у него имелся свой план, для выполнения которого необходим был надежный человек.

Его в Москве интересовали три объекта. Профессор Васильев, получивший в наследство в 1912 году драгоценности небывалой цены и красоты, инженер Басов, обладатель уникальной коллекции золотых монет, и валютная контора на Мясницкой. Но для этого ему нужен был верный человек. Одного Лапшина мало. Нужен еще один. И Копытин все чаще думал о своем товарище по училищу Алексее Климове.

Москва. Декабрь 1918 года

Козлов приехал к госпиталю на машине. Когда он увидел стоящего у ворот Данилова, тощего, в шинели с чужого плеча, бледного до синевы, то почувствовал острое чувство жалости. И Козлов даже на секунду усомнился, сможет ли Данилов работать в группе МЧК по борьбе с бандитизмом. Слишком уж худ и незащищен был этот пацан.

Но вместе с тем Козлов был рад, что Иван будет с ним, он привязался к этому молодому тихому парню.

– Садись, садись, браток, – удобнее устраивал он Данилова в машине, – сейчас приедем, зачислим тебя как положено, и работать. А дел у нас невпроворот.

И пока машина ехала из Лефортова до Лубянки, Козлов вводил Данилова в курс предстоящих дел, рассказывал о бандах Собана, Калмыкова, Гришки Адвоката. Иван слушал с непонятным чувством тревожного восторга. Так было в первых классах реального, когда на уроках они читали Рокамболя и «Похождения великого русского сыщика Путилина».

Данилов уже видел себя в кожаной тужурке с маузером, врывающегося в притон, где веселились элегантные бандиты и аферисты. Он один, а их...

– Чего задумался? Испугался? – улыбнулся Козлов. – Ничего, сволочь эту ликвидируем – учиться пойдешь. Пойдешь?

– Пойду, – уверенно ответил Данилов.

Он еще не знал, что жизнь его определилась на много лет и профессия эта станет единственной и главной.

По коридору МЧК матросы волокли сейф. Громадный, тяжелый, покрытый изысканным чугунным литьем. Сейф упирался, с грохотом бился об углы.

– Еще... Еще... Ребята! – кричал старший команды, в бескозырке, съехавшей на затылок. – Еще...

– Да погоди ты, Силин. Он же, подлюка, тяжелый, как жизнь. Давай перекурим! – взмолился один из матросов.

– Некогда, братки... Комиссар ждет... Секретные бумаги на столе стынут.

Данилов и Козлов прижались к стене, пропуская это узорчатое чудо.

– Хозяйством обзаводимся, – Козлов хлопнул Данилова по плечу, – всякими там столами, стульями. Нужно, брат, дело.

Из дверей комнаты вышел высокий черноволосый человек в кожаной куртке. Он повернулся, и Данилов узнал Мартынова.

– Ты смотри, Данилов, – засмеялся он. – Здорово.

– Здравствуйте. – Иван протянул руку.

– Подлатали?

– Да вроде.

– Молодец, Козлов, что ты его привел. А то у нас знаешь, как людей не хватает, а он парень грамотный. Пошли к Манцеву.

Член коллегии МЧК Василий Николаевич Манцев сидел за огромным столом в пустой комнате. Он поднялся им навстречу, улыбнулся.

– Поправились, товарищ Данилов?

– Полностью.

– Прекрасно, дел много. Что, прямо из госпиталя?

– Так точно, товарищ Манцев.

– А ты, Федор, человека чаем напоил?

– Не успел, Василий Николаевич, мы его сразу к вам привели. Его прошение о зачислении Козлов из госпиталя передал.

Манцев подошел к столу, выдвинул ящик, достал бумаги.

– Вам сколько лет, товарищ Данилов?

– Восемнадцать.

– А тебе, Федор, по-моему, двадцать шесть?

Данилов посмотрел на Мартынова, он никак не мог представить, что этот человек всего на восемь лет старше его.

Дверь с грохотом распахнулась, трое красноармейцев внесли в кабинет стулья.

– Спасибо, товарищи, – засмеялся Манцев, – вот теперь и присесть можно.

Он подождал, пока Козлов, Мартынов и Данилов сядут, и сказал:

– Я, товарищ Данилов, ваш опросный лист посмотрел. Но бумага есть бумага. Вы мне о себе расскажите...

Когда Данилов и Козлов ушли, Манцев сказал Мартынову:

– Он очень молод, Федор, молод и романтичен. Революция для него восторг, жертвенность, красивый праздник. А строительство нового общества – это работа. Тяжелая, даже грязная порой, но работа. Именно эта обыденность и может вызвать разочарование. Вот здесь-то вы и должны помочь ему.

– Да какая же обыденность, Василий Николаевич? – удивился Мартынов, – У нас, как в кинематографе, каждый день новая фильма.

– Обыденным становится все, Федор. А нам нужны такие, как Данилов, очень нужны, они продолжают наше дело. Так что помогите ему найти себя.

Мартынов молча кивнул. Но внутренне никак не мог понять, о какой обыденности при их горячей работе говорит Манцев.

Данилов с Козловым сами втащили столы и стулья в комнату. Даже чайник достали. Здоровый, медный, с чуть помятым боком.

Иван разложил на столе полученное на складе имущество: кожаную куртку, фуражку со звездой, новенькое светло-желтое офицерское снаряжение и наган в кобуре.

– Ты, Ваня, – Козлов взял скрипучую куртку, – сейчас ее не носи. Под нее ватную фуфайку надо надевать.

– Устроились, голуби? – Вошедший в комнату Мартынов бросил на стол Данилову пакет. – Ты что же, Ваня, паек-то не взял? Козлов, бери чайник. Наш кипяток, ваши сухари, мой сахарин.

Но они так и не успели попить чаю. Банда Гришки Адвоката напала на правление Виндавской железной дороги.

Они ехали в машине, потом перестрелка, потом допросы.

Ивану допрашивать пока не доверяли, он вел протоколы. Один за другим проходили через комнату их группы самые разные люди. Были среди них тупые и мрачные уголовники, анархисты, эсеры, бывшие чиновники и студенты.

Республика дралась на фронтах, из последних сил работали московские заводы и фабрики. Люди отдавали последние силы. А накипь, людская пена, поднятая временем, неустроенностью, нуждой, грабила, насилвала, убивала.

Так проходил декабрь. Заканчивался первый год молодой Советской власти.

Москва. Январь 1919 года

Как ножом резанул январский ветер по Спиридоньевке... Понес снежную крупу... Обжег прохожих... Ударил по грязным окнам домов... и раскололся об афишную тумбу на углу Малой Никитской...

Прямо на остатки театральных афиш, на размытые строчки приказов, на рваные воззвания различных фракций наклеен старый номер «Известий».

Человек в дорогом пальто с барским меховым воротником читает вслух:

– «...Вся борьба с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности в Москве будет вестись Московской ЧК.

Согласно постановлению президиума и пленума Московского Совета коллегия МЧК утверждена в следующем составе: председателем – Держинский, заместитель – член президиума Московского Совета Бреслав, члены коллегии Юровский, Манцев и Мессинг...» – читавший замолчал, посмотрел на стоящих рядом людей.

– Это как же, господа, новая охранка?

– Господа на Юге, – сплюнул сигарку человек в зимней кепке с наушниками и просмоленной куртке, – только не охранка, а охрана Москвы от всякой сволочи.

Стоявший рядом мужчина, в офицерской сизой шинели без погон, в фуражке со следом от кокарды, усмехнулся: посмотрим, мол. Поднял воротник и пошел по Спиридоньевке навстречу ветру. Спина прямая, идет легко, левая рука у бедра, по привычке невидимую шашку поддерживает.

Хоть и день, а Спиридоньевка словно вымерла. Пусто. Да и какой нормальный человек без особой надобности на улицу полезет? Разбойное стало время, опасное. Да и холод собачий.

Офицер свернул со Спиридоньевки к Патриаршим прудам.

Раскачивает ветер жестяной знак с номером шесть. Скрипит он. Трется об осыпавшуюся штукатурку.

Арка двора узкая от сугробов. Тропинка чуть вытоптана. Ветер налетает, лепит шинель к ногам, под воротник забирается.

Через двор в сугробах – к дверям.

В прихожей и отдышаться можно. Здесь хоть ветра нет.

Опустил воротник. Фуражку поправил и легко взбежал на второй этаж. Знакомая дверь. Табличка медная. На ней вязью «А. А. Копытин. Коллежский ассессор».

Дернул рукоятку звонка.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Лапшин:

– Вы Алексей Федорович?

– Точно так.

– Прошу, прошу. Заждался вас Виктор Алексеевич.

Шагнул Климов в прихожую. И даже знакомый запах почувствовал. Навечно, видимо, вьелся в эти стены горелый сургуч.

А навстречу, улыбаясь, раскрыв широко руки, шел Виктор Копытин. Лучший его, Климова, друг по военному училищу.

Они обнялись и долго стояли, прижавшись друг к другу. Время прошло. Да какое. Война, окопы, атаки, отступления. Потом революция. Их молодость совпала с девальвацией человеческой жизни. Поэтому особенно здорово было ощущать руки верного друга на своих плечах.

– Ну пошли, пошли, – сквозь слезы выдавил Копытин и дернул щекой.

В маленькой гостиной ничего не изменилось с тех далеких дней, когда Алексей Климов еще юнкером приходил сюда.

Только вот друг его, Виктор Копытин, не был похож на молоденького юнкера Александровского училища. Лицо его затвердело, складки у рта обозначились, седина появилась, и глаза стали другими – прозрачными, с сумасшедшинкой, как у кокаиниста.

Стол по нынешним временам обильный. Консервы, сало, колбаса.

– Вот только водки нет, – дернул щекой Копытин, – так что, Алеша, пить «шартрез» будем. Помнишь, как мы его на Пасху у Олечки Васильевой пили?

– Когда это было-то, Витя, в другой жизни. А помнить помню все, будто вчера.

– У меня, господа, – вмешался в разговор Лапшин, – на напитки тоже память крепкая. Где чего хорошего выпил, помню.

Он, ловко орудуя ножом, потрошил коробки с сардинами.

Копытин посмотрел на него, быстро, словно случайно, и Лапшин замолчал...

– Ты бы пошел, Трифон, отдохнул в другой комнате, музыку послушал, – сказал Копытин.

Лапшин встал, налил в стакан до краев тягучего «шартреза», прихватил сала и вышел.
– Это твой вестовой? – посмотрел ему вслед Климов.

– Вроде того. Да что о нем-то говорить...

За стеной запела Ильза Кремер. Лапшин завел граммофон.

– Ты зачем приехал в Москву? – спросил Климов. – Я очень удивился, получив твое письмо.

– Соскучился, Алеша, соскучился.

– А если серьезно?

– Теперь ты мне ответь, что делаешь ты, поручик Климов, в Москве?

– Во-первых, штабс-капитан. Во-вторых, через два дня начинаю работать инструктором стрелковых курсов.

– Bravo! – Копытин поднял рюмку. – Bravo. Герой германской войны. Золотое оружие за прорыв в Галиции – и учить большевиков стрелять.

– Я дал слово. В декабре семнадцатого. Когда Александровское училище сложило оружие.

– Кому?

– Я дал честное слово, что я никогда не буду выступать против народа.

– Ты дал честное слово! – Копытин вскочил, лицо его свело тиком. – Честное слово, когда твои друзья шли в «ледяной поход»¹...

– Вот об этом, Виктор, не надо. Я знаю из ваших первопоходников не только тебя...

– Хорошо! Забудем. Черт с ним, с золотым оружием, с погонами.

Копытин достал из кармана золотой портсигар. Вспыхнула в электрическом свете бриллиантовая монограмма.

– Ты стал богат, Виктор, – прищурился Климов, – золотые часы, портсигар, перстень...

– А на тебе все тот же китель, – резко отпарировал Копытин, – все твое имущество – шинель да сапоги. А я хочу тебя сделать богатым.

В Сокольники ночь приходила раньше. И если на улицах города темноту разгонял тусклый свет одиноких фонарей, то на лес она опускалась плотно и вязко.

Дачи, затерявшиеся в сугробах и деревьях, были одиноки и пусты. Ни огонька, ни человеческих следов на мягком снегу.

Темнота. Безлюдье. Поземка.

Поэтому свет автомобильных фар был особенно ярок. Два легковых автомобиля пробились сквозь сугробы. Свернув с широкой просеки в узкий переулок, они остановились у двухэтажной дачи. Дважды рявкнул автомобильный клаксон.

Сначала тускло вспыхнули разноцветные стекла террасы, потом раскрылась дверь.

Двое в шинелях, держа маузеры наготове, подошли к калитке.

– Спрячь пушку, Глухой, свои! – крикнул шофер.

Из дома вышли семь человек и пошли к машинам, расселись в автомобилях.

– Едем? – спросил шофер.

– Нет. Сейчас Петька придет.

На террасе в свете лампы, падающей из дверей, стояли двое. Собан, высокий, плечистый мужик лет тридцати, и Петька Чернуха, худощавый, среднего роста. Он был одет, как чиновник средней руки, в черное пальто с котиковым воротником шалью и такую же шапку пирожком.

– Слушай меня, – чуть растягивая слова, говорил Собан, – поедете в сторону Тверской заставы, там и начнете. Пусть знают, кто хозяин в городе.

– Да понял я, Собан, понял.

¹ Корниловский поход на Дон и Кубань в 1918 г.

– Еще раз повторяю, подъедете, подзовете красноперого, спросите, как проехать, и глушите.

– Потом куда?

– Известно куда. Ты на Долгоруковскую, а Козуля с ребятами на Патриаршие к Витьке Залетному. Там от меня известий ждите. Иди.

Собан повернулся, ушел в дачу, а через несколько минут он и оставшиеся члены банды покинули дом.

За стеной по-прежнему играл граммофон, только пела уже Варя Панина. Видимо, любил эту пластинку Лапшин, потому что ставил ее подряд несколько раз.

На столе стояла початая бутылка зеленого ликера. Климов сидел строгий, в застегнутом на все крючки кителе. Он даже воротник не расстегнул.

По комнате шагал из угла в угол Копытин, продолжая, видимо, давно начатый спор:

– ...Ты говорил о чести, Алексей, о совести. Твой отец погиб в Порт-Артуре, и учился ты на казенный счет. А дальше что ты видел? Строй, нищенское жалованье подпоручика. Сорок три рубля. Из этих денег ты еще платил за гимназию.

– Я честно служил, Виктор.

– Так я же не обвиняю тебя. Но вспомни, когда ты пришел свататься к Ольге Васильевой, ее папенька отказал тебе. Почему? Да потому что ты нищая пехтура.

– Ты не смеешь так говорить о Григории Нилыче, просто Ольга любила другого.

– Ах, как это романтично! Прямо сочинение мадам Чарской. Только почему же месье Столбов, жених Олечки, сын мануфактурщика Столбова...

– Прекрати, Виктор, – Климов вскочил. – Немедленно прекрати.

– Ах, вам не нравится, господин штабс-капитан, ну простите, простите великодушно.

– Для чего ты начал этот разговор, Виктор? Изволь объясниться.

– Вот, – сказал Копытин, – мы и добрались до сути.

Гнал ветер по Долгоруковской редких прохожих, раскачивал тусклые фонари. Плясал снег в слабом желтом свете.

Приплясывал на тротуаре постовой милиционер. Засунул руки под мышки, грел пальцы. Время к ночи, а наган в холодной руке не слушается.

Снопом света ворвались на улицу автомобильные фары. Осветили постового.

– Постовой! – крикнул шофер. – Как нам лучше к Пресне проехать?

Шагнул милиционер к машине.

Три выстрела отбросили его к стене. И он упал на спину, широко раскинув руки по снегу.

На Лесной у магазина Капонадзе лежит у стены убитый милиционер. Уходит в темноту машина...

Двое в шинелях со звездами на фуражках барабанят в двери магазина. Гудит под ударами дверь.

– Открывай! Открывай, гад!

– Кто? Кто там? – робко из-за дверей.

– Телефон есть?

– Есть.

– Звони в ЧК.

Ревут на темных улицах автомобильные моторы. Сухо рвут выстрелы темноту. Падают на землю люди в шинелях, в черных пальто, в ватных куртках с милицейскими повязками на рукавах.

Смолк граммофон, словно подавился. В дверном проеме возник Лапшин.

И увидел Алексей Климов совсем другого человека. Исчезла угодливая улыбка. Опасный стоял человек. Неожиданный.

– Что ж, Алексей, не сталкивались мы с тобой.

– Ты этот портсигар и перстенок, Витя, тоже в налете взял? – Алексей взял в руки золотой портсигар Копытина, покрутил. – Вот видишь, – он щелкнул крышкой, – монограмма-то затерта, только герб остался.

– Ты, чистоплюй, жил нищим и сдохнешь нищим. Иди учи за кусок воблы и сахарин маршировать фабричных недоносков.

– Если бы ты, Виктор, приехав с Юга, как эмиссар генерала Деникина, предложил мне идти бороться с большевиками, я отказался бы из-за честного слова. Но ты приехал с Юга не драться и умирать, а убивать и грабить. Ты налетчик, Виктор.

– Ну и что? – внезапно совершенно спокойно сказал Копытин. – Революция избавила меня от обязанностей перед обществом.

– Но у тебя остались обязанности перед собой.

– Ты трус, Климов.

Полетел на стол тяжелый портсигар, полетел, кроша рюмки... ствол нагана уперся Климову в спину.

– Убери своего... – тихо сказал Алексей.

– Спрячь наган, Резаный.

– Он продаст, Витя.

– Спрячь.

Лапшин спрятал наган.

– Идите, штабс-капитан, учите, нищенствуйте... Но помни, продашь – сестренку твою, Елену Федоровну, побеспокоим.

Копытин дернул щекой и провел ребром ладони по горлу.

Климов вышел из комнаты.

– Надо шлепнуть его, – сказал Лапшин, – продаст, фраер.

– Нет, я его знаю.

Мартынов что-то писал, Козлов возился с печкой, Данилов чистил наган.

Он уже собрал его и вытер ветошью масляные пальцы, как зазвонил телефон.

– Мартынов. Так... Так... Выежаем. В машину! Бандюги у Тверской заставы милиционеров стреляют.

Климов в подъезде достал из кармана кожаный портсигар, вынул из него самокрутку, прикурил от зажигалки.

Стоял, прислонясь к стенке. Курил и думал. Разговор этот страшный вспоминал.

На темных улицах гремят выстрелы. Ревет мотор автомобиля.

От Лубянки к Тверской заставе мчится длинный черный «пежо» с чекистами. Рядом с шофером Мартынов.

У поворота на Лесную машет руками человек с винтовкой.

– Притормози-ка, – командует Мартынов.

– К Грузинам поехали они, к Грузинам.

– На Грузинский вал, – скомандовал Мартынов.

Климов вышел из-под арки двора. В темноте угадывался павильон Патриарших прудов.

У поворота на Спиридоньевку горел одинокий фонарь. В его желтом кругу ходил милиционер.

Климов поднял воротник и зашагал к Спиридоньевке.

– Товарищ гражданин, – окликнул его севший на морозе голос.

Климов остановился.

– Огонька не найдется? Страсть как курить охота.

Климов подошел, достал зажигалку.

– Ваше благо... Тьфу, гражданин штабс-капитан... Не признаете?

– Скурихин, ты?

– Так точно, – улыбнулся постовой.

– Ты же в деревню собирался, землю делить.
– Вишь, дело какое, не доехал. В милицию служить пошел.
– Ты что, партийным стал?
– Уж полгода, а вы-то как, Алексей Федорович, значит, с нами?
– Инструктором по военному делу служить буду.
– Я с нашими спорил. Одни говорили, что вы на Юг подались. А я им – не такой человек наш ротный. Вас, как в шестнадцатом ранили, мы очень жалели... Новый ротный зверь пришел. А к вам мы всей душой.

– Ты вот что, Скурихин, заходи ко мне. Адрес-то помнишь?
– Это куда я в пятнадцатом сестрице вашей письмо передавал?
– Туда. Заходи. Ждать буду.

Климов бросил руку к козырьку. Шагнул в темноту.

Многовато неожиданных встреч для одного дня. Он сделал несколько шагов, и темнота слила его со стеной дома.

А сзади вылетели автомобильные фары.

– Постовой! Как к Страстному монастырю проехать?

Климов обернулся.

Скурихин шел к машине.

Три выстрела разорвали темноту.

И падает, падает его солдат, георгиевский кавалер Скурихин, падает на землю, которую так и не успел поделить.

А свет фар в сторону ушел. Разворачивается машина.

И словно в Галиции, в войне, в окопах. Прыжок – и он рядом с убитым, выхватил наган из кобуры у лежащего.

А машина буксует.

Как на фронте, как в бою. Прыгнул ей наперерез штабс-капитан Климов.

Выстрел!

Разлетелось лобовое стекло.

Выстрел!

Кто-то закричал.

Выстрел! Выстрел! Выстрел!

Машина словно слепая ударилась в столб и застыла, задрал капот.

Вывалился на снег человек и пополз.

А у Климова еще один патрон.

– Встать! Брось оружие!

Упал к ногам Климова маузер. Он наклонился, ловко подхватил его.

– Не стреляй... Ой, не стреляй... – заголосил человек, – не хотел я.

– К стене! – скомандовал Климов.

А из переулка снова свет фар и прямо на него. Значит, конец. Климов поднял маузер.

Автомобиль затормозил, поехал юзом. Выскочили из него люди в кожанках.

– Чека! Не стреляй!

Мартынов подбежал к разбитой машине.

Шофер уронил на баранку простреленную голову, рядом с ним еще один, двое сзади.

Мартынов подошел к Климову:

– Это вы их?

– Да. Они убили моего солдата.

– Милиционера.

– Он был солдат моей роты на фронте.

– Хорошо стреляете. Наган его?

– Да.

– А маузер?

Климов кивнул в сторону бандита, которого обыскивали Данилов и Козлов.

– Документы попрошу.

– Извольте.

– Федор, – подбежал Козлов. – Этот из банды Собана. Собан на даче в Сокольниках.

Говорит, не расстреляете – покажу.

– Двух человек оставь у машины. А мы в район милиции, протелефонировать надо, пусть людей в Сокольники шлют.

Мчится по улицам Москвы машина. Между Даниловым и Козловым сидит задержанный, в углу – Климов.

– Гражданин комиссар, – сказал Алексей, – дайте мне наган.

Мартынов повернулся. Внимательно посмотрел на Климова. Молча протянул ему наган, насыпал в ладонь золотистую кучку патронов.

От здания МЧК в сторону Сокольников отъехал грузовик с вооруженными бойцами отряда особого назначения.

Кончилась Москва. Остался позади трамвайный круг. Началась Сокольническая роща. Мартынов приказал остановить машину.

– Данилов, останься. Будешь ждать опергруппу.

– Товарищ Мартынов...

– Выполняй приказ.

Машина пошла дальше. И остался Ваня Данилов один у края рощи.

Темень. Глушь. Ветер шумит в деревьях.

Он вынул наган, взвел курок и сунул руку с оружием за пазуху.

– Где? – Голос Мартынова спокоен, словно в гости едет к приятным людям.

– Начальник, ты обещал...

– Не скули, не тронем.

– Сейчас поворот будет, а там вторая дача от края.

– Стой! Егоров, – повернулся Мартынов к шоферу, – останешься с этим. Мы с Козловым пойдем. Вы тоже можете остаться, гражданин Климов.

– Я пойду с вами.

Мартынов помолчал. И сказал тихо:

– Согласен.

Они шли след в след по заснеженной просеке. Вот и дача.

– Ну, пойдем, благословясь. Я первый, Козлов за мной, вы, Климов, за окнами смотрите, если с нами что, постарайтесь задержать их, опергруппа с минуты на минуту приедет.

Мартынов поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Она поддалась. Они с Козловым вошли на террасу.

Еще одна дверь, распахнута настежь.

Темнота дома таила неожиданную опасность. Мартынов шагнул в темную прихожую.

Климов стоял за деревом, внимательно вслушиваясь в тишину.

Где-то недалеко заурчал мотор автомобиля. Голос его ближе и ближе. На просеку ворвался грузовик. Люди с винтовками окружали дачу.

Горела лампа в столовой, ходили по комнатам чекисты. Никого. Ушел Собан.

В окна здания на Малой Лубянке пришел рассвет. Залил тусклым светом комнату, растворил желтизну электрической лампы.

– Сколько же один человек наврать может, немыслимое дело! – Мартынов встал из-за стола, подошел к печке, приложил ладони к темному кафелю. – Слушай, – продолжал он, – ты раз правду скажи, тебе же легче будет.

Арестованный сидел у стола, вжавшись в спинку огромного резного стула, затравленно глядел на Козлова и Данилова, устроившихся на диване.

– Поехали по порядку. – Мартынов подошел к нему, сел на край стола: – Имя?

– Ну, Петр.

– Отца как звали?

– Ну, Евсей.

– Ты что, извозчик – ну да ну. Говори толком. Петр Евсеевич. А фамилия?

– Бухин.

– Значит, Петр Евсеевич Бухин. И в машину ты попал случайно, ни в кого не стрелял?

Мартынов перегнулся через стол, достал из ящика маузер арестованного.

– Твой?

– А я откуда знаю?

– Ты же не дурак, вот показания разоружившего тебя военрука Климова. Сколько в нем патронов должно быть?

– Ну, десять.

– Так. – Мартынов вынул обойму, вытряхнул на стол шесть патронов.

– Теперь гляди. Видишь, патроны у тебя редкие. Пули в никелированной оболочке.

– Ну.

– А вот пуля из убитого милиционера на Патриарших, медиками извлечена. – Мартынов бросил на стол деформированный никелированный кусок металла. – А теперь... – он вскочил со стола, схватил арестованного за руку, – смотри.

На правой руке был выколот синий меч и имя: Степан.

– Так что, Степа, дальше нукать будем?

– Не докажешь... не докажешь, – заголосил арестованный.

– А чего мне тебе доказывать? Сам грамотный, декрет читал. Был взят с оружием в руках...

– Скажу я, что знаю, скажу... Только не стреляй ты меня... Я ж молодой совсем, двадцать лет... Жизни не видел...

– А те, кого вы грохнули вчера ночью, они жизнь видели? Моя бы власть...

Мартынов замолчал, побелел и опять отошел к печке.

– Ты, комиссар, запиши, что я сам, добровольно... Прими во внимание мое рабоче-крестьянское происхождение...

– Поздновато ты о нем вспомнил. Ты нам теперь классовый враг. Но помощь учтем.

Кабинет Манцева изменился. В нем появились сейф и шкаф, стулья и диван и даже часы, похожие на крепостную башню.

Василий Николаевич читал бумагу, а Климов пил чай за маленьким столиком в углу.

Зазвонил телефон.

– Манцев... Слушаю, Феликс Эдмундович... У меня... Конечно, Феликс Эдмундович... Если позволите, через час. – Манцев положил трубку: – Алексей Федорович, я прочел ваши показания. Армия есть армия. Сухо, по делу, точно, в деталях.

Манцев встал из-за стола, подошел к Климову, сел рядом:

– Вы начинаете работать инструктором военного дела на фабрике?

– Так точно.

– В декабре семнадцатого вы дали слово не поднимать оружие против народа.

– Так точно.

– Я не спрашиваю вас, Алексей Федорович, почему вы не идете в Красную Армию. Не надо, не отвечайте. Мы, большевики, привыкли уважать чужие убеждения. Но у меня есть к вам просьба.

– Чем могу служить?

– Нам нужны хорошие военные инструкторы в резервы милиции...

– Простите, гражданин комиссар, но я офицер...

– Зовите меня Василий Николаевич. Вчера ночью бандиты убили шестнадцать милиционеров. Многие из них погибли из-за неумения обращаться с оружием. Мне звонил сейчас Феликс Эдмундович Дзержинский, он просил поблагодарить вас за помощь и научить рабочих, пришедших в милицию, защищать граждан Москвы от бандитов. Я жду.

В комнату вошел Мартынов со свертком в руках и протянул Манцеву бумаги.

– Так как же, Алексей Федорович? Решайте.

Климов молчал. Вспоминал вчерашний день. Разговор с Копытиным, Лапшина, наган, упертый в спину, Скурихина, лежащего на земле, короткую схватку.

– Почту своим долгом. – Климов встал, шелкнул каблуками.

Мартынов с интересом посмотрел на него:

– Вот и хорошо. – Подошел к столу, взял ручку, подписал бумаги.

– Алексей Федорович, вот ваш мандат. Вы направляетесь МЧК старшим инструктором военизированного резерва милиции. Мы очень благодарны вам за помощь. В своих показаниях вы перечислили награды, полученные вами за войну. – Манцев открыл стол, достал из ящика наган. – У нас пока нет наград. Но этот наган носил ваш солдат. Мы отдаем его вам.

Климов взял револьвер:

– Спасибо. Это оружие мне вдвойне дорого.

Он сунул наган в карман.

– Нет, – засмеялся Мартынов, – так не пойдет, Алексей Федорович. Вы же не заговорщик, чтобы оружие прятать, а боевой наш товарищ.

Он развернул сверток, протянул Климову новенький офицерский ремень с кобурой.

Климов ушел, Мартынов и Манцев остались вдвоем.

– Плохи дела, Мартынов, – Манцев закурил, – уголовники хозяйничают в городе. Что арестованный?

– Пряхин Степан, кличка Зюзя, из тех, кого Керенский по амнистии выпустил.

– Удивительный человек был русский либеральный интеллигент. Керенский – присяжный поверенный, сам участвовал в сложных уголовных процессах, и вдруг амнистия тысячам опаснейших уголовников.

– Гад он, – мрачно сказал Мартынов.

– Нет, Федор, это сложнее, значительно сложнее. Так что Пряхин?

– Работала вчера банда Собана. В ней всего тридцать четыре человека.

– До вчерашнего дня. Теперь двадцать девять. Хорошо учили стрелять господ офицеров.

– Теперь о базе. Меняют ее постоянно после каждого дела. Есть в банде еще один руководитель, Витька Залетный, ростовский налетчик. Его даже Собан боится. Это его идея убивать милиционеров.

Мартынов спал на диване. Старые пружины осели под его большим телом, и казалось, что он лежит в яме. Перед уходом Козлов сильно растопил печку, и в комнате было тепло.

Мартынов снял только сапоги, а ремень с кобурой положил в головы. Телефон он поставил рядом с диваном, чтобы можно было дотянуться сразу. Свет луны падал в комнату, и в ее зыбком свете предметы неестественно вытянулись и расплылись. Мартынов спал, вздрагивая во сне, перегруженный заботами мозг не давал ему полностью отключиться от пережитого днем.

Сначала телефон звякнул коротко и мелодично, как серебряная кавалерийская шпора, потом голос его, набрав силу, стал пронзительным и длинным.

– Мартынов у аппарата! – откашливаясь со сна, крикнул в черный раструб начальник группы.

– Спишь, Федор?

Голос Манцева был по-утреннему свеж и спокоен. И Мартынов еще раз подивился способности зампреда скрывать усталость.

– Есть немного, Василий Николаевич.

– Ты уж извини, что побеспокоил тебя, но на этот раз известие приятное.

– Деникин умер!

– К сожалению, пока жив, а вот человек с Юга у меня.

– Бахтин! – радостно крикнул Мартынов. – Иду.

Он начал натягивать сапоги. Сон как рукой сняло, уж слишком приятным и неожиданным было известие.

Бахтин сидел в кабинете Манцева и курил, в воздухе, прорываясь сквозь махорочную горечь, плыл запах асмоловских папирос.

Одет Бахтин был, как всегда, щеголевато. Даже трость с серебряной ручкой лежала на столе.

– Здравствуйте, Федор Яковлевич. – Бахтин поднялся, улыбаясь, протянул руку.

– С возвращением, Александр Петрович. – Мартынов сжал ее от полноты чувств и удивился, что этот тонкий, слабый на первый взгляд человек ответил ему сильным, коротким рукопожатием, от которого у Мартынова слиплись пальцы.

– Ну и рука у вас, Александр Петрович, как у кузнеца.

– Постоянные занятия гимнастикой. Я вам, Федор Яковлевич, подарочек привез, – кивнул головой Бахтин.

Мартынов повернулся: весь угол кабинета был завален картонными папками.

Он взял одну из них. На обложке:

«МВД. Департамент полиции. Третье делопроизводство».

Далее фамилия и имя.

– Это действительно подарок. Как же вам удалось, Александр Петрович?

– Понимаете, Федор Яковлевич, когда душка Керенский выпустил из тюрем всю эту сволочь, немедленно был разгромлен архив сысской полиции.

Обратите внимание, немедленно. Вполне естественно, что это сделали те, кто не хотел оставлять новой власти свои дагерротипы и дактилоскопические карты. Коль скоро это сделали уголовники, они не уничтожат дела. Я выяснил у бывшей клиентуры, что дела уплыли в Ростов. Остальное, как вы понимаете, чистая техника. Я приехал туда, поступил на работу в градоначальство, кстати, был там товарищем начальника сысской полиции. Нашел дела. Вернул все, что удалось найти, и в Москву.

– Ваш рассказ слишком конспективен, – засмеялся Манцев, – неужели мы не узнаем все?

– Эту леденящую душу историю я расскажу вам за чаем. А сейчас вы хотели обсудить дела насущные.

– Конечно.

– Вот, – Бахтин хлопнул по лежащей на столе папке, – дела людей из банды Собана.

Бахтин раскрыл первую папку:

– Сафонов Николай Михайлович, кличка Собан. Вот справки о судимостях. Много лет каторжных работ. Побег. Дерзкий и опытный налетчик. Очень осторожен. Сам идет на дело в исключительных случаях, и то с наиболее верными людьми. Отправляя подельщиков на дело, меняет квартиру. Потом находит их через связного. Пользуется большим авторитетом в уголовном мире. Какой у него состав банды нынче?

– Около тридцати человек. Но разбиты они на группы, по образу подпольных военных организаций, – сказал Мартынов.

– Меня удивили две вещи: жестокая расправа с милиционерами, что в общем-то не свойственно уголовникам, и эта военная организованность. Потом этот ростовский налетчик Витька Залетный. По описанию, ему двадцать шесть – двадцать семь лет. А вот я о таком

не слышал. Второе, на Юге мне удалось узнать, что для активизации уголовного подполья в Москву послан офицер добровольческой контрразведки. Кстати, начальник ее, полковник Прилуков, человек весьма опасный.

– Так, – Манцев встал, – а как же святая идея?

– Дорогой Василий Николаевич, на фронте я не был. Но что делается в тылу у белых, видел предостаточно. Это очень напоминает мне самый расцвет распутищины. Воровство, взяточничество, разврат, казнокрадство. Полное смещение нравственных критериев. Какие ризы! Какая идея! Пир по время чумы. Я думаю, что тыл полностью разложит белую армию. Появление этого Витьки в Москве не случайно.

– Безусловно, – Манцев закурил, – они думают, что активизация уголовников, блатной террор помогут контрреволюции, окопавшейся в Москве. Но ни у Прилукова, ни у его коллег этого не получится. Когда вы, Александр Петрович, сможете подключиться к работе?

– Так я уже подключился, как вы выражаетесь.

– Но дорога...

– Я еще не такой старый, мне еще сорок два.

– Одни говорят: еще сорок два, а другие – уже сорок два, – засмеялся Манцев.

– Я говорю – «еще».

– Вот и прекрасно.

За стеной Лапшин терзал граммофон. Он заводил его сразу после прихода домой. Особенно Лапшин любил романсы. Вообще, Копытин заметил, что вся эта уголовная публика истерична и сентиментальна. Видимо, это и было оборотной стороной жестокости.

Завтра он решил брать квартиру Басова. Хватит, он сам начнет свою операцию.

Он знал Басова, знал и Васильева, вместе с Алексеем Климовым юнкерами бывали у них дома, одно время он даже пытался ухаживать за Катенькой Басовой.

Он вспоминал пасхальные праздники в большой и уютной квартире инженера, но впечатления были абстрактны. Будто не он, а кто-то другой приходил в этот дом, вкусно ел, немного пил, любовался милой, воспитанной барышней.

Он не знал и не хотел знать, что инженер Басов выполняет особое задание Совнаркома по обеспечению города электроэнергией. Что от его работы зависит тепло и свет в больницах, режим предприятий, выпечка хлеба и водопровод.

Копытин не знал этого. А если бы и знал, все равно не изменил бы своего решения.

Свет настольной лампы был тускловат. Электростанция Москвы работала плохо, не хватало топлива, поэтому инженер Басов, собираясь поработать, зажег свечи.

Он разложил на письменном столе чертежи.

За стеной дочка играла ноктюрн Скрябина. Чистая, немного холодноватая музыка звучала чуть слышно, приглушенная стеной.

За окном была ночь. Тревожная и опасная Москва. И дом Басова был словно корабль, плывущий сквозь эту ночь, наполненный уютом и музыкой.

Часы на камине пробили половину двенадцатого. Свет свечей падал на стекло шкафа, за которым тусклым золотым блеском отсвечивали кружки монет.

К дому Нирнзее в Гнездниковском подъехал закрытый «пежо». Из него вышли четверо в фуражках и кожаных тужурках и вошли в подъезд.

Басов работал. Музыка не мешала ему, а, наоборот, подбадривала, как чашка крепкого кофе.

В прихожей коротко и требовательно зазвонил звонок.

Басов посмотрел на часы. Странно, кто бы это мог быть?

Он вышел в прихожую. Высокий, плотный, в домашней бархатной куртке.

– Кто там?

– Это квартира инженера Басова? – спросил голос за дверью.

– Да.

– Откройте, Борис Аверьянович, мы из ЧК.

Басов положил руку с массивным золотым перстнем на головку замка. Вспыхнул в тусклом свете синеватый камень с вырезанной на нем монограммой. Басов повернул замок. В прихожую вошли четверо.

– Товарищи чекисты, – начал Басов, – я работник Совнаркома, у меня есть... – он запнулся, с ужасом глядя на одного из вошедших. – Копытин... Виктор...

Он не успел договорить, Лапшин ударил его ножом.

А из гостиной доносилась музыка.

Копытин с двумя бандитами прошел в глубину квартиры.

Музыка смолкла.

– А-а-а!.. Не надо... – закричал женский голос. Закричал и задохнулся криком. Словно рот зажали. Лапшин снял с пальца убитого перстень, вынул из жилетного кармана часы и отстегнул цепочку.

В глубине квартиры послышалась возня, слабый женский стон и срывающееся мужское бормотание. Лапшин усмехнулся и пошел в гостиную.

Данилов стоял в кабинете Басова. Комната была разгромлена, даже паркет взломан. Шкаф, в котором лежали монеты, разбит, и стекла противно хрустели под ногами.

Иван внимательно оглядывал комнату, тщетно стараясь найти что-нибудь похожее на след.

– Ну, что у вас? – спросил вошедший Бахтин.

– Не знаю.

– Вам надо учиться, юноша, сыскное дело, как и всякое иное, требует профессионализма.

Бахтин подошел к разбитому шкафу, достал лупу. Внимательно начал рассматривать осколки стекла.

– Ну вот. Есть отпечатки. Они вас пока не боятся и поэтому следят, как пожелают. Понимают, что вы на заводе да в окопах курс криминалистики не изучали. Ну ничего, ничего... Позовите Мартынова, пожалуйста.

В коридоре санитары в старых тулупах укладывали на носилки труп Басова.

– Понимаешь, – Мартынов дернул фуражку за козырек, – его убили, дочь изнасиловали, думали, придушили, а она жива.

– Можно допросить?

– Думаю, через неделю, не раньше.

– А за что они его?

– За то, что революции служить начал и, конечно, за коллекцию. Его прадед, дед, отец собрали уникальную коллекцию золотых монет. Она большую художественную ценность имеет. А эти гады ее в слитки переплавят.

В квартиру вошел Манцев:

– На Палихе бандиты зверски убили начальника уголовно-розыскной милиции района Алехина и всю его семью. Доколе, Мартынов, бандиты и убийцы будут творить свое черное дело?

Мартынов отвернулся. Иван увидел, как краска залила его лицо.

– Я жду ответа, Мартынов?

Мартынов молчал.

Винтовочные выстрелы сухо трещали в морозном воздухе, пахнувшем порохом и ружейной смазкой.

Отделение отстрелялось, и Климов пошел проверять мишени. Издали их силуэты на темном фоне неба напоминали застывших людей.

Климов осмотрел мишени, построил отделение:

– Товарищи милиционеры. Огневая подготовка есть основа основ вашей службы. Вы заступаете на пост в одиночку, поэтому должны быть готовы к любым неожиданностям. Умение владеть оружием – главное в борьбе с бандитами. . .

Он замолчал, и память, в который уже раз, прокрутила ленту воспоминаний: вспышки выстрелов, падающий Скурихин, машина, летящая на него, прыгающий в руке наган.

– К мишеням! – скомандовал он.

Здесь, на стрельбище, в учебных классах, он вновь ощутил себя человеком нужным, делающим важное и хорошо знакомое дело.

Ему нравилось учить этих ребят, посланных в милицию с фабрик и заводов.

Материальная часть оружия давалась им хорошо, сказывалась рабочая сметка, но огневая подготовка еще хромала.

Несколько дней назад на совещании у начальника курсов он заявил, что не подпишет ни одного свидетельства до тех пор, пока курсанты не научатся хорошо стрелять. Представитель Московского Совета сказал:

– Милиционеров не хватает, научатся в процессе службы.

– В процессе службы, – отпарировал Климов, – они должны уметь защитить и себя, и население.

– Классовая сознательность. . .

– Это демагогия, – твердо сказал Климов, – а я учу людей вещам конкретным.

– Вы, как бывший офицер, не можете правильно определить политический настрой масс. Ненависть к врагу революции – вот главное оружие. А им курсанты владеют в совершенстве.

– В наставлении по стрелковому делу, – разозлился Климов, – таких понятий нет. Ненависть и правильное совмещение мушки с прорезью прицела понятия разные.

– Хватит спорить, – встал комиссар курсов, – военрук Климов прав. Мы не можем допускать к несению службы слабо подготовленных людей. Пусть учатся.

И сегодня, на стрельбище, Климов вспомнил этот спор. Стрелять его ученики стали значительно лучше.

Служба, домашние заботы постепенно вытесняли из памяти тот вечер на Патриарших прудах. Вернее, не вытесняли, а сгладили остроту.

Но, вспоминая тот вечер, он вспоминал и многолетнюю дружбу с Виктором Копытиным. Его необузданную фантазию, болезненную страсть к преувеличению.

Видимо, спяну завел он тогда разговор о грабежах и налетах. Он же был офицером. Выросший в семье, где вопросы чести считались главными, Климов, как всякий добрый и порядочный человек, пытался наделить своими убеждениями всех остальных. Дух мужества и подлинного рыцарства витал в их доме. Будучи человеком в принципе восторженным и поэтому, естественно, наивным, Алексей свято считал, что офицерские погоны – уже признак человеческой порядочности.

На войне он столкнулся с совершенно другим. И боль разочарования он воспринимал подчас с подлинным отчаянием. Чистый в делах и помыслах, он мысленно наделил своими убеждениями и Копытина, тем более что годы и война стерли из памяти не совсем порядочные поступки его однокашника.

Но каждый новый день, а отсчет им он вел со дня поступления на службу, все же заставлял его думать о встрече с Копытиным и мучительно казнить себя за то, что он не рассказал об этом разговоре Манцеву. И, возвращаясь домой со службы, он отгонял от себя мрачные мысли, искренне надеясь, что все обойдется. Он легко взбежал на третий этаж своего дома, повернул ручку звонка.

Голос сестры за дверью, такой родной и нежный.

Лицо сестры заплакано, глаза припухли.

– Ты что, Леночка?

– Алешенька, милый, горе-то какое, – всхлинула сестра. – Басова Бориса Аверьяновича бандиты убили, а над Катенькой надругались.

Климов так и застыл. Стоял в прихожей, держа в руке фуражку со звездой.

– Когда? – только и смог выдавить он.

– Вчера, Лешенька.

– Подожди, Лена.

Не раздеваясь, прошел Климов в свою комнату. Сел к столу и начал писать.

– Ужинать будешь? – приоткрыла дверь Елена.

– Потом.

Он закончил писать, вложил письмо в конверт.

– Я уйду, Лена. Если не вернусь к утру, отнеси это письмо на Малую Лубянку, в МЧК.

Разорвал кольцо сестриных рук и вышел, хлопнув дверью.

Климов выпрыгнул из трамвая у Никитских ворот. Прошел мимо здания сгоревшей аптеки, мимо побитых пулями домов, свернул на Малую Никитскую.

– Куда? – Часовой преградил Лене дорогу винтовкой.

– У меня срочное письмо.

– Кому?

Лена достала конверт. Часовой вслух прочел:

– «Манцеву В. Н.». Постой здесь, барышня.

В кабинете Манцева собрались все работники группы по борьбе с бандитизмом.

– ...Итак, – продолжал Манцев, – вооруженное ограбление артельщика Александровской железной дороги – 150 тысяч рублей, вооруженное ограбление магазина случайных золотых изделий – зверски замучены владельцы, убийство 16 постовых милиционеров, смерть инженера Басова и нашего боевого товарища Алехина. Это, товарищи, пассив. А в активе у нас четыре бандитских трупа да один арестованный, который ваньку валяет. Теперь, товарищи, внимание. Зачитываю вам предписание Владимира Ильича:

«Зам. пред. ВЧК т. Петерсу.

Ввиду того, что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по нескольку автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ленин (В. Ульянов)».

Все молчали.

– Так что мы ответим товарищу Ленину? – спросил собравшихся Манцев.

Зазвонил телефон.

Манцев поднял трубку:

– Да... Манцев... Какое письмо?.. От Климова?.. Хорошо, проводите гражданку ко мне.

Та же арка, и вечер такой же. И так же ветер скребет жестяным номером по стене.

Климов расстегнул кобуру, достал наган. Проверил барабан.

Теперь в атаку, штабс-капитан Климов.

И он пошел. Вот они, окна квартиры Копытина. Горят. Значит, дома.

Манцев встретил Елену в коридоре.

– А мне о вас Алексей Федорович говорил, – улыбнулся он, – вы Елена Федоровна.

Лена кивнула.

Манцев внимательно посмотрел на нее. До чего же девушка красивая! Вдохнул:

– Ну, что стряслось?

Лена протянула письмо.

Манцев вскрыл, начал читать: «Василий Николаевич. Я был неискренен с вами, в тот трагический день я возвращался от своего однокашника по Александровскому военному училищу, поручика Копытина Виктора Алексеевича. Он прибыл с Юга. Но не для организации офицерского подполья. Нет! Я бы мог еще понять это. Он сказал мне, что у него есть группа бандитов и он намерен разбогатеть, и предложил мне стать его сообщником. Я с возмущением отказался. Покинув квартиру Копытина, я не мог поверить, что он пойдет на это. Но, узнав о трагической гибели Бориса Аверьяновича Басова, я понял всю серьезность его намерений и глубину его духовного падения. Офицер не может быть бандитом. И вдруг. Я отправился к Копытину, чтобы задержать его или убить. Его адрес: Патриаршие пруды, дом Кузнецова, квартира четыре. Следующей жертвой должен стать...»

Манцев не дочитал письмо:

– Когда ушел брат?

– Полчаса назад.

Манцев распахнул дверь:

– Все на выезд. Патриаршие, дом Кузнецова.

Лапшин стоял в дверях, опершись рукой о стену. Морда красная, жилетка расстегнута. И сразу увидел Климов перстень Басова на короткопалой руке Лапшина. Светился он синим светом.

– А, ваше благородие... Чего надо?..

– Где Виктор?

– Ушел. И ты иди.

– К стене! – уперся наган в живот Лапшина.

Он икнул и повернулся к стене.

Климов вынул из-за пояса бандита тяжелый кольт, сунул в карман:

– Пошли.

– Куда?

– В ЧК.

Увлекся Климов, не заметил приоткрытой двери в гостиную.

Копытин поднял пистолет и выстрелил. Падая, Климов надавил на спуск нагана. И рухнул на пол Лапшин.

А пули Копытина отбросили Климова к стене, и он упал, намертво зажав в руке бесполезный наган.

– Сволочь... Сволочь... Чистоплюй поганый... – Копытин подбежал к двери, закрыл ее. Бросился на кухню, выглянул в окно. В темноту двора ворвались автомобильные фары.

Копытин, перезарядив пистолет, бросился в гостиную.

На столе груда золотых монет, кольца, серьги, пачки денег. Начал рассовывать деньги по карманам.

А входная дверь уже тряслась от ударов.

Схватил горсть монет, сунул в карман брюк. На ходу надевая пальто, выбежал в коридор. Трижды выстрелил в дверь.

Забежал в уборную. Запер дверь. Локтем высадил окно. Выглянул. Внизу под стеной сугроб намело в человеческий рост.

С грохотом рухнула входная дверь.

Копытин перекрестился и выпрыгнул в окно.

Манцев наклонился над убитым Климовым:

– Эх ты, штабс-капитан. Сам хотел. Честь свою офицерскую берег... Мартынов, задержанного сюда, пусть опознает убитого.

Подошел Козлов:

– Ушел второй, товарищ Манцев.

– А оцепление?

– Обмишурились чуток, у него окно из гальюна на другой двор выходит, выпрыгнул, сволоочь.

– Товарищ Мартынов, – из дверей гостиной вышел Данилов, – тут золота много.

Манцев вошел в гостиную. Часть монет рассыпалась на полу, остальные лежали на столе.

Василий Николаевич взял в руки золотой квадрат, поднес к свету: гордый профиль в шлеме отчеканен по золоту.

– Это монета Древней Эллады, – сказал Данилов, – огромная ценность. Их в музей надо, товарищ Манцев.

– Ты разбираешься в монетах?

– Мальчишкой собирал.

– Вот и прекрасно, делай опись.

– Так, товарищ Манцев, их же здесь...

– Пиши, Данилов, достояние республики требует тщательного учета.

Он замолчал. Потом сказал вдруг:

– А что же я его сестре скажу?

– Что, товарищ Манцев? – повернулся Данилов.

– Ничего. Ты работай.

Климова похоронили на Ваганьковском, рядом с могилой матери. Над кладбищем кричали вороны и падал снег.

Мартынов вдруг увидел, что снег не тает на лице покойного, и это странное открытие вдруг объяснило ему смысл слова «жил». Климова больше не было.

Падал снег, плакала Елена, кричали вороны.

Потом взвод милиционеров поднял винтовки, и птицы разлетелись, спугнутые залпом.

Вырос над могилой холмик, и Мартынов думал о странностях судьбы. Пройти всю войну, не жалея себя, одному вступить в схватку с бандитами и погибнуть от руки человека, которому он так верил.

Уходя, Мартынов оглянулся: свежий холм земли казался неестественно черным на фоне девственно-белых сугробов.

Москва. Февраль 1919 года

Копытин шел по занесенному снегом Рождественскому бульвару.

День выдался морозный и солнечный. Снег яростно скрипел под ногами. Копытин шел по узкой вытоптанной тропинке, помахивая щегольской тросточкой.

– Поручик Копытин?

Копытин повернулся.

Перед ним стоял человек в черном пальто с бархатным воротничком, серая барашковая шапка чуть сдвинута на бровь, усы закручены.

Все-таки как ни переодевайся, а офицера за версту видно.

– Поручик Копытин? – повторил неизвестный.

– С кем имею честь?

Незнакомец снял перчатку. На ладони лежала половина медали «В память войны 1812 года».

Копытин расстегнул шубу, из жилетного кармана вынул вторую половину, протянул связанному.

Тот совместил половинки:

– Все точно. Господин поручик...

– С кем имею честь?

– Ротмистр Алмазов-Рюмин.

– Слушаю вас, господин ротмистр.

– Господин поручик, командование недовольно вашей работой.

– То есть? – Копытин усмехнулся, дернул щекой.

– Где активные действия, где организованное уголовное подполье? Кроме того, нам известно, что вы совершили несколько крупных экспроприаций, но где средства?

Копытин молчал.

– Помните, что у нас в организации состоят чины полиции. Люди, прекрасно знакомые с уголовным миром. Мы знаем все, что вы, ну... как бы сказать...

– Граблю? – зло выдавил Копытин.

– Изымаете, до последней копейки. Вы, поручик, просто недооцениваете нашу службу.

Через неделю ждем денег. Адрес вам известен.

Алмазов-Рюмин резко повернулся и зашагал в сторону Петровки.

Манцев стоял, прислонясь к теплomu кафелю голландки, и слушал Мартынова, меряющего шагами кабинет.

– Мы все обдумали. Пойдут они к Васильеву. Мы их возьмем. А дальше? Собан-то опять уйдет, и Копытин тоже.

– Ну и что ты предлагаешь, Федор?

Мартынов подошел к Манцеву, наклонился.

– Есть план, – азартно сказал он.

– Излагайте.

– Мы решили так...

Собан и Копытин играли в карты.

– Карта тебе прет, Витя, как из параша.

Копытин подтянул к себе выигрыш:

– Ничего, Коля, карта не лошадь, к утру повезет. – Копытин начал быстро сдавать карты.

Собан взял, поглядел, бросил:

– Я тебе что хочу сказать, Витя. Интересовались тобой.

– Кто? – дернул щекой Копытин.

– Солидный мужик. Раньше в сыскной служил.

– Что ему надо?

– Не сказал.

– Хочешь, я тебе скажу? – Копытин перегнулся через стол. – Хочешь?

– Не психуй, гнида, – Собан оттолкнул Копытина.

– Так вот, они хотят, чтобы мы с тобой часть взятого офицерскому заговору отдавали.

– Точно?

– Я же, знаешь, зря языком не бренчу.

– Значит, – усмехнулся Собан, – опять эксплуатация. Мы бери, а им отдавай. Не выйдет.

– Нет, ты не знаешь этих людей. А я их знаю.

– Витя, ты кто будешь? А то о тебе разное говорят.

– Я офицером был. А теперь свободный человек. Мне не нужны ни белые, ни красные.

Жить хорошо хочу. Поэтому слушай меня, Николай.

Копытин достал портсигар, щелкнул крышкой, протянул Собану.

Они закурили.

– Ты, Собан, дурак. Не прыгай, сиди тихо. Дурак. Все ты можешь в налете взять. Цапки, деньги, жратву. Все, кроме ума.

– Ишь, падлю, как заговорил. – Лицо Собана налилось, губы стали тонкими и жесткими.

– Ты глазами не зыркай. Я не из пугливых. Насмотрелся того, чего тебе с твоими соп-ливыми мокрушниками никогда не увидеть. Они кровью хвастают. Так я ее за день проливал больше, чем они за две жизни.

Лицо Копытина обострилось, глаза стали прозрачными и страшными, тиком пошла щека.

Собан посмотрел на него, ему стало неуютно в этой комнате. Словно кто-то вошел сзади и приставил наган к его затылку.

– Слушай меня, – продолжал Копытин, – ну возьмем мы еще пять мешков денег. А дальше? Ну, пропьем, прогуляем... А потом? Через полгода ЧК и уголовка на ноги встанут и прихлопнут нас, как мух.

Копытин ткнул окурок в тарелку с сардинами. Взял бутылку, разлил.

– Я тебе вот что предлагаю. Проведем три дела и уйдем.

– Куда?

– Сначала в Петроград, оттуда в Финляндию.

– Так нас там и ждут. – Собан в два глотка выпил водку. – Ждут и плачут.

– Таких, как сейчас, с этим, – Копытин презрительно подбросил пачку денег, – с этим нет. Мы сделаем три дела. Возьмем камни у Васильева, валюту на Мясницкой, и еще одно. О нем потом скажу. А дальше век за границей живи, в богатстве и роскоши.

– Когда уйдем? – Собан вскочил.

– Сроку всего десять дней. В Петрограде у меня люди есть. Они за эту бумагу нас пере-правят. Так мы ее всю им отдадим.

– Смотри, Виктор, – ощерился Собан, – со мной не шути.

– Нас, Коля, одна веревка повязала. Ты без меня никуда, а я без тебя.

Манцев и Мартынов ехали по заснеженным улицам Москвы в сторону Пресни.

Автомобиль остановился у фабричных ворот с надписью над ними: «Московские электромеханические мастерские».

Они шли через чисто убранный, разметенный двор. Здесь, видимо, уважали свой труд. Стояли ящики под аккуратным навесом, железные отходы были по-хозяйски сложены у забора и даже прикрыты брезентом.

– Вы к кому, товарищи? – окликнул их человек в фуражке с эмблемой техника.

– Мы из ЧК, – ответил Манцев.

– Пойдемте, я провожу вас в цех.

Цех встретил шумом и ярким светом газосварки.

– Подождите, товарищи. – Провожатый ушел.

А чекисты остались стоять, наблюдая, как работают люди. Был в их труде особый покой и порядок. Так обычно работают те, кто досконально знает свое дело.

– Смотри, Мартынов, – Манцев положил ему руку на плечо, – видишь, как работают. Точно, быстро, ловко. А мы с тобой?

– Но мы же еще учимся, Василий Николаевич.

– Слишком дорого наша учеба народу обходится.

Шум постепенно затихал. Рабочие останавливали станки, складывали инструменты. Вытирая руки ветошью, шли к дальнему концу цеха, где стоял дощатый помост.

Манцев увидел человека, машущего им рукой.

– Пошли, Федор.

И вот они стоят в центре полукруга, а на них внимательно смотрят десятки глаз.

Манцев осмотрелся. Народ все больше был степенный, немолодой. Подошел однорукий, в матросском бушлате:

– Я секретарь комячейки. Начнем. – Он огляделся и вдруг крикнул зычно, как на палубе в шторм: – Товарищи! Вы писали в горком партии, вот приехали к нам товарищи из ЧК. Попросим их выступить.

Манцев вспрыгнул на помост:

– Товарищи, мы приехали к вам, чтобы узнать, какие у вас есть вопросы к Московской ЧК, что нам вместе надо делать, чтобы покончить с бандитизмом.

Из толпы вышел человек лет под шестьдесят, с лицом, обожженным металлом, с рыжеватыми прокуренными усами, с седым ежиком на голове.

– Скажи нам, товарищ, – обратился он к Манцеву. – Вот мы, – он обвел взглядом толпу, – работаем здесь. Значит, пролетариат. А вы кто будете?

– Я – член коллегии Московской ЧК Манцев Василий Николаевич, а это Мартынов Федор Яковлевич, руководитель группы по борьбе с бандитизмом.

– Так, подходяще, – сказал пожилой рабочий, – а в партии с какого года?

– Я с девятьсот шестого, а товарищ Мартынов с восемнадцатого.

– Подходяще. Теперь ответь нам, товарищ чекист, на наши вопросы. Я читал в «Известиях» декрет о создании Московской ЧК, так с одним в шубе поспорил. Он говорит – новая охранка, а я ему – мол, это нашему рабочему делу охрана. Так, товарищ Манцев?

– Безусловно.

– Значит, ты со мной согласен. А тогда дай отчет нам, рабочим, по нашим вопросам. Первое – до каких пор шпана в Москве людей резать будет? Мы весь тот месяц без жалованья сидели, потому что бандюги артельщика убили, а наши кровные унесли. Так мы и семьи наши в скудности сплошной сидели. Это как, товарищ чекист? Теперь, товарищ, ответь нам, кто и за что убил нашего технорука, золотого человека инженера Басова? А знаешь, чем он занимался и мы с ним?

– Приблизительно, – ответил Манцев.

– Мы с ним электрохозяйство Москвы налаживали, чтобы в этом году, к лету, везде фонари как надо горели, трамваи хорошо ходили, чтобы на электростанции перебоев не было. И дело это техноруку нашему, товарищу Басову, Ильич поручил. Как же ты такого человека не уберег?

Рабочий замолчал. Молчали и люди в цехе, только где-то противно, на высокой ноте визжала электропила.

– Это еще не все. Среди нас есть такие, которые говорят, что Басова чекисты убили, мол, за дворянское происхождение да за деньги какие-то. Теперь скажи, что это за «черные мстители» в городе объявились, которые милиционеров бьют? Вот теперь все у меня. Отвечай, товарищ чекист.

Манцев помолчал, оглядывая людей. Они стояли плотно, плечо к плечу. В спецовках, ватных куртках, фартуках. Они стояли и ждали ответа.

– Товарищи. – Голос Манцева сел от волнения. Он откашлялся и продолжал: – Буду отвечать по порядку. Убийство вашего артельщика нами раскрыто. Бандиты Костыркин Михаил и Сиротин Семен пойманы и расстреляны.

– Правильно!..

– Стрелять их всех!

– Верно!..

Словно вздохнула толпа.

Манцев поднял руку.

– Теперь об инженере Басове. Мы с вами вместе скорбим о тяжелой утрате. Зверье из банды Николая Сафонова по кличке Собан убили его и ограбили квартиру. Мы обезвредили

несколько участников банды. Нашли похищенное имущество. Нам еще нелегко приходится, нас сыскному делу не учили. Но мы учимся даже на своих ошибках, я обещаю вам, товарищи, что в ближайшее время революционное возмездие настигнет Собана и его дружков. А теперь покажите нам того, кто на чекистов клеветал и о «черных мстителях» рассказывал.

Толпа зашумела, закачалась и вытолкнула к помосту человека лет сорока в очках с металлической оправой на птичьем носу.

– Эсер? – Манцев спрыгнул с помоста.

– Какое это имеет значение?

– Значит, эсер, – улыбнулся Василий Николаевич, – я их пропаганду сразу узнаю. Уж больно красиво врут. Милиционеров, товарищи, тоже убил Собан со своими подручными. А что касается зверств ЧК, то хочу сказать: бандиты врываются в квартиры, выдавая себя за чекистов. У них две цели: уголовная и политическая, грабёж и убийство и дискредитация ЧК.

Пожилой рабочий влез на помост, поднял руку:

– Товарищи пресненцы! Довольны ли вы ответами?

– Вполне!

– Правильно!

– Дело говорил.

– Тогда выношу резолюцию нашего собрания. Кто за полное доверие нашим чекистам – поднять руки!

Руки подняли все до одного.

В машине Манцев сказал Мартынову:

– Я, дорогой мой, сегодня испытал и острое чувство стыда, и огромную радость.

– Я думаю, Василий Николаевич, мы не охранка, надо чаще в газетах сообщать о нашей работе.

– Правильно, Федор. Владимир Ильич всегда говорил, что у партии нет секретов от народа, а мы, чекисты, – вооруженный отряд партии. Гласность. Во всем. В успехах и ошибках. Тогда нам поверят.

– Надо было, Василий Николаевич, этого, в очках, с собой прихватить.

– Зачем? – улыбнулся Манцев. – Он уже не страшен нам. Нет ничего более действенного, чем публичное разоблачение. Он не враг. А сплетни, слухи, – они всегда бушуют. Главное – разоблачить их не словами, а делом. Так, милый Федор Яковлевич, нас учит Феликс Эдмундович. Наша власть еще совсем молодая. Впрочем, и мы с тобой не старые. – Манцев засмеялся.

Машина уже въезжала на Лубянскую площадь, и Манцев спросил:

– Что с операцией?

– Квартира Васильевых под постоянным наблюдением.

– Кого вводим в операцию?

– Данилова.

– Не молод?

– Нет, парень серьезный, дерется здорово, джиу-джитсу знает, уроки брал, стреляет неплохо, а главное, его в Москве никто не знает.

– Давайте готовить.

Данилов вошел в кабинет Манцева. Одет он был необычно: черную косоворотку, шитую по воротнику белым, опоясывал наборный пояс, пиджак свисал с левого плеча, синие брюки заправлены в лакированные сапоги гармошкой.

В кабинете кроме Мартынова и Манцева сидел человек лет сорока в форменном сюртуке без петлиц, белоснежный воротничок подпирал подбородок. Было в нем что-то барское, а вместе с тем вульгарное.

– Так-с, – сказал он, – по фене ботаешь?

– Что? – удивился Данилов.

– Не та масть, Василий Николаевич, ошибся ваш гример.

– Пожалуй, да, – Манцев засмеялся, – не похож ты, Ваня, на удачливого вора.

– Вы, молодой человек, – обратился к Данилову незнакомый, – кстати, не смотрите на меня так удивленно, моя фамилия Бахтин, я криминалист и консультант у коллеги Манцева.

– Великий спец по уркам, – белозубо улыбнулся Мартынов, – бог нам вас послал, Александр Петрович.

– Ну зачем же так? Не упоминайте господне имя всеу. Нехорошо. Так кем вы были, молодой человек, в той, иной и спокойной жизни?

– Я закончил Брянское реальное училище.

– Весьма почтенно. И чем думали заниматься?

– Хотел подать прошение в Лазаревский институт.

– О-о-о! Романтика. Запад есть Запад. Восток есть Восток. И с места они не сойдут.

– Киплинг, – мрачно сказал Данилов.

– Мило. Мило. Значит, студент. Пойдемте.

И снова открылась дверь кабинета. На пороге стоял молодой человек в студенческой куртке с петлицами, в брюках с кантом, обтягивающих ноги. Белоснежная рубашка, загнутые углы воротника, галстук с булавкой. Данилов даже причесан был иначе. Волосы разделял ровный английский пробор.

– Студент, Василий Николаевич, студент. Это кличка и легенда. На палец перстень, дорогой, наручные часы, лучше золотые, дорогие запонки. Студент-налетчик.

– Где же мы все это достанем, Федор? – повернулся Манцев к Мартынову.

– Да такому залетному все достанем, – засмеялся начальник группы, – все, что надо.

– А теперь, Данилов, то есть Студент, – сказал Манцев, – знакомься со своей напарницей. Он подошел к дверям.

– Заходи, Нина.

В кабинет вошла красивая высокая блондинка в строгом темно-синем платье, отделанном белыми кружевами, в высоких светлых ботинках на каблуках.

– Вот с ней ты и пойдешь. Это наш товарищ, Нина Смирнова. Так что знакомьтесь.

Девушка подошла к Данилову, протянула руку:

– Нина.

– Иван. – Данилов посмотрел ей в глаза и смутился.

Квартира была маленькой и по-казенному чистой. Всего две комнаты.

– Располагайтесь здесь. – Козлов положил на стол пакет с едой. – Сами понимаете, за порог ни ногой.

– Надолго? – спросила Нина.

– Как придется. Одежду не снимайте, привыкайте к ней, а то ты, Ваня, в этих манишках, как корова под седлом.

Козлов проверил телефон и ушел.

Иван подошел к окну. Внизу лежал занесенный сугробами пустырь. По снегу разгуливали важные, похожие на монахов вороны.

В квартире было тихо, только капала из крана вода да потрескивала свеча.

И эти, такие мирные звуки приносили воспоминания о прошлом. Казалось, что остановилось время. Не было белых, фронтов, заговорщиков, бандитов. А был только этот пустырь с воронами, звук разбивающейся в раковине воды, треск печи.

Данилов был слишком молод, ему шел девятнадцатый год. Он еще не избавился от прекрасного ощущения бесконечности жизни. И хотя, работая в группе Мартынова, он видел смерть и горе, участвовал в перестрелках и облавах, он еще не думал о смерти.

Много позже, когда в памяти его прошлое отодвинется, как в перевернутом бинокле, он поймет, какая смертельная опасность подстерегала его.

Но сегодня его волновало совсем другое.

Данилов закурил, взял «Курс криминалистики», подаренный Бахтиным, и углубился в чтение. Нет, он не пойдет после окончания войны в Лазаревский институт. Наука раскрытия преступлений увлекла его, и он твердо решил стать криминалистом.

Манцев и Мартынов шли вдоль Пречистенского бульвара. Навстречу им из-за угла, чеканя шаг, двигалась рота красноармейцев. Новые, еще не обмятые шинели, смушковые папахи, новые ремни.

–левой!левой! – звонко и радостно неслась в морозном воздухе команда.

Лица красноармейцев от мороза румяные, шаг твердый.

Мартынов остановился, пропуская строй, внимательно вглядываясь в лица бойцов.

– Они скоро на Деникина, – с грустью сказал он.

– Завидуешь, Федор? – Манцев положил ему руку на плечо.

– И да и нет, Василий Николаевич. Завидую простоте. На фронте все ясно. Враг издалека виден.

– Это ты прав. А нам порой приходится искать врага рядом с собой. Вспомни левозеровский мятеж.

Они свернули в сторону Сивцева Вражка. У доходного дома остановились.

– Может, мне подождать, Василий Николаевич? – хитро усмехнулся Мартынов.

– Нет, Федор, пошли вместе. В другое бы время пришел один, пригласил бы девушку по Москве погулять, в Художественный театр сводил. Вместе погустили бы над судьбой трех сестер. В другое время.

– Василий Николаевич, дорогой мой, разве для любви есть время?

– Слишком тяжела ее утрата, и слишком большая опасность угрожает ей.

– Вы думаете?

– Предполагаю.

Строгая, вся в черном, Елена Климова сухими от горя глазами глядела на Мартынова и Манцева.

– Елена Федоровна, – сказал Манцев, – покажите нам комнату брата.

– Прошу.

Комната Климова была небольшой. Книжный шкаф, диван, покрытый ковром, письменный стол.

Над диваном скрещены две шашки: одна с анненским, другая с георгиевским темляком и позолоченным эфесом.

Мартынов подошел ближе и прочитал: «За храбрость».

Рядом висело несколько фотографий. Группа юнкеров-александровцев, два молодых подпоручика в парадной форме, Алексей Климов в штабс-капитанских погонах, с рукой на перевязи.

Манцев подошел к стене, начал рассматривать фотографии.

– Кто это рядом с Алексеем Федоровичем?

– Его товарищ по училищу, Сергей Наумов, они сфотографировались в день производства.

– Елена Федоровна, а у вас, случайно, нет фотографии Виктора Копытина?

– Конечно, Василий Николаевич, но зачем она вам?

– Елена Федоровна, мне тяжело говорить, но Алексея Федоровича убил Копытин.

– Нет!.. Это невозможно...

– Но это так. Копытин убил и Басова, и еще нескольких человек.

– Это невозможно.

– Елена Федоровна, поверьте мне, на его руках много крови прекрасных, нужных новой России людей.

– Он заговорщик?

– Нет, он стал бандитом.

Елена опустилась на диван, закрыла лицо руками. Так она сидела несколько минут, потом посмотрела на Манцева:

– Он вчера был у меня.

– Зачем?

– Он ничего не знал об Алешином письме, он приходил и сказал, что брата убили вы.

– Неужели вы ему верите?

– Нет.

– Так где его фотография?

– Висела на стене.

На месте фотографии они увидели только темный квадрат на выгоревших обоях.

– Он заходил в эту комнату?

– Да, – тихо ответила Елена.

– Елена Федоровна, он мечется по городу, как зверь, у него нет выхода, мы его поймаем, но он может появиться у вас снова.

– И что мне делать?

– Разрешите посмотреть квартиру?

– Конечно.

– У вас во двор окна комнат выходят?

– Только на кухне.

Они вошли на кухню.

– Вот как хорошо, – засмеялся Мартынов, – занавесочка славная у вас.

– Какая занавесочка? – непонимающе спросила Елена.

– А вот эта, в пол-окна, пестрая. Ее и днем заметишь. Если Копытин придет, вы ее задержите.

Война войной, революция революцией, а Мясницкая такая же нарядная. Правда, подоблезли золотые буквы на вывесках торговых фирм, новые названия советских учреждений появились, но тротуары чистые, даже потрескавшиеся стекла магазинов горели на солнце.

Что и говорить – московское «сити».

Да и народ здесь привычный, одетый добротной мехой, сукно дорогое, трости.

Копытин остановился напротив дверей с вывеской «Валютный отдел».

Дверь двухстворчатая, сбоку милиционер с наганом на ремне прыгает от мороза.

Ничего. Пусть себе прыгает пока.

И вдруг на той стороне – дама в чернобурой шубе, шапочка на брови натянута. Копытин перебежал улицу:

– Ольга Григорьевна!

Остановилась, взглянула изумленно:

– Господи, Виктор!

Щелкнул каблуками, наклонился к руке. Ольга Григорьевна оглянулась.

– Вы с Юга? – спросила шепотом.

– Так точно.

– Как там?

– Наступаем.

– Скоро ли в Москву?

– Трудно, очень трудно. А вы как здесь, Олечка, как муж?

– Трясемся, ждем обысков, реквизиций.

Копытин взял ее под руку и повел по Мясницкой.

– Милая Олечка, передайте Петру Львовичу, что есть шанс уехать на Юг.

- Не может быть!
 - Тихо, ради бога, тихо. Я через несколько дней уезжаю, могу взять вас с собой.
 - Но это опасно.
 - Нисколько. Мы поедем в поезде Международного Красного Креста.
 - Вы наш спаситель.
 - Ждите, – сказал Копытин, – и учтите, что под флагом Красного Креста можно провезти все. В Москве очень неспокойно. Чекисты убили Бориса Аверьяновича Басова, забрали его редчайшую коллекцию.
 - Я слышала, Виктор, это ужасно. – Глаза Олечки наполнились слезами.
 - Алешу Климова убили. Вашего поклонника.
 - Господи, Алешу? За что?
 - Он хотел справедливости.
 - Виктор, – Ольга схватила Копытина за рукав, – спасите нас. Умоляю!
 - А ваш папенька, Григорий Нильч?
 - Он сидит на своих камнях. «Это – для истории. Это – для искусства». Ах, Виктор, вы же знаете отца. Попробуйте поговорить с ним сами.
- Копытин поглядел на Ольгу, усмехнулся, дернул щекой:
- Попробую.

Несколько минут назад Манцев вернулся от Дзержинского. Разговор с Феликсом Эдмундовичем был обстоятельным и долгим.

И, сидя в кабинете, Манцев снова и снова вспоминал его, думая над словами председателя ВЧК и МЧК. Манцева всегда поражало смелое, аналитическое мышление Дзержинского, неожиданность его решений, тонкое знание политической обстановки.

– Бандитизм, Василий Николаевич, – сказал Дзержинский, – сегодня явление не только уголовное. Он компрометирует власть рабочих, кое-кто пытается представить это как неспособность большевиков управлять государством. Следовательно, бандитизм есть явление политическое. Тем более что, как нам известно, белая контрразведка пытается его использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.